

18+

Мачек Пасла

САХА ОСЕНИ

Автофикшн

СОДЕРЖИТ
ОБСЦЕННУЮ
ЛЕКСИКУ

Мачек Пасла

Саха осени

«Издательские решения»

Пасла М.

Саха осени / М. Пасла — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Эта
книга — отражение сложного и часто мрачного мира её персонажей. Чтобы
рассказать эту историю честно, автор не смягчает и не цензурирует речь
героев и описываемые события. Вы встретитесь с неприятными истинами,
грубой реальностью и психологически сложными ситуациями. Книга содержит
нецензурную брань.

© Пасла М.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. «Хлеб пахнет землёй»	6
«Жизнь в деревне»	6
«Дискотека»	8
«Мотики»	10
«Космонавт»	12
«Сознание»	13
«Маркер»	14
«Новая Россия»	16
«Алексей»	18
«Посевная»	20
«Канава»	23
«Весна»	25
«Люстра»	27
«Пожар»	29
«Люда»	31
«Ромео и Джульетта»	32
«1/3 жизни»	34
«Upstroke»	35
«Руки-крюки»	38
«Таз мёда»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Саха осени

Мачек Пасла

© Мачек Пасла, 2026

ISBN 978-5-0071-4073-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© Артём Маслов, 2026

Эта книга — рецензированная часть романа «Нулевые воспоминания» Артёма Маслова. Читателю не обязательно знакомиться со всем романом. Каждая часть имеет свою собственную историю, логическую завязку и законченную мысль. Но автор оставляет все те же предупреждения, касающиеся всех его произведений.

18+

УВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Данное художественное произведение содержит материалы, предназначенные для зрелой аудитории старше 18 лет. В тексте присутствуют:

- Явные сцены преступлений, насилия и жестокости.
- Откровенные описания сцен сексуального характера.
- Сцены употребления алкоголя.
- Частое использование ненормативной (обценной) лексики.

В связи с этими предупреждениями, текст может быть неприемлемым или травмирующим для некоторых читателей.

Содержание книги отражает авторский замысел и направлено на раскрытие характеров, атмосферы и социального контекста. Оно не является пропагандой или одобрением алкогольной зависимости, как и асоциального или незаконного поведения. Более того, автор желает подчеркнуть те деструктивные и негативные последствия употребления алкоголя, опасные для здоровья и жизни, часто остающиеся в тени.

Автор предупреждает, что не имеет умысла романтизировать события трагической судьбой героев. Возможная трактовка может быть вызвана лишь человеческим состраданием, повышенной эмпатией и жизненным опытом самого читателя, увидевшего в героях знакомые лица.

Все персонажи и события, описанные в этой книге, вымышлены. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, является случайным.

Книга рекомендована для читателей старше 18 лет. Читатель принимает на себя ответственность за возможный эмоциональный дискомфорт.

ВАЖНОЕ АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — отражение сложного и часто мрачного мира её персонажей. Чтобы рассказать эту историю честно, автор не смягчает и не цензурирует речь героев и описываемые события. Вы встретитесь с неприятными истинами, грубой реальностью и психологически сложными ситуациями.

Если вас могут задеть или травмировать сцены сексуального характера, преступлений, насилия, описания зависимостей и откровенная лексика — возможно, эта книга не для вас. Она создавалась для взрослого читателя, готового к непростому, но искреннему повествованию.

Автор: Артём Маслов. 2026 г.

Часть 1. «Хлеб пахнет землёй»

«Жизнь в деревне»

Мысль думалась по понятным мне правилам, и я контролировал её поток, по крайней мере, на определённом отрезке. Затем в какой-то момент я понимал, что уже не владею ею, а стою в стороне и наблюдаю, как она развивается сама, без взаимодействия с моей логикой и желанием. Как будто мне показывают незнакомый кинофильм. И как только приходило это осознание, я сам становился участником фильма, субъектом мысли. Так я попадал в сон.

Снилось детство. Мне пять лет. В подъезде нашего дома на первом этаже никогда не горела лампа освещения. Из окон между этажами лился дневной свет. Его хватало, чтобы различать ступени и двери. Но сбоку под лестницей, где был вход в подвал, было темно. Я вглядывался в эту черноту и концентрировался внутри. Небольшая дверь, вставленная в деревянный настил под углом вдоль лестничного пролёта, была не заперта и приподнята. Открытый подвал одновременно настораживал опасностью неведомого и захватывал, вызывая интерес.

У двери тамбура стояла маленькая белая собачка. Я открыл дверь, и она выбежала передо мной на игровую площадку, заливаясь крошечным, звонким лаем.

Выбежав за ней, я пошёл за дом. Асфальтированная дорожка вдоль периметра дома была вскрыта у технического окна в подвал. Канава, вырытая для замены труб теплосети, обнажала плиту фундамента и тянулась метров на десять в сторону колодца. Я забрался на насыпь из свежей глины и увидел внизу бетонные перекрытия теплотрассы. Одна из плит была сдвинута. В бетонном коробе лежали трубы, рядом — рулоны стекловаты. Мне стало холодно. Я проснулся. Нужно было топить печь.

Жизнь в деревне имела свой порядок и обязанности. Это помогало не свихнуться. Особенно зимой. День начинался с чистки и растопки печи. Это заставляло мобилизоваться независимо от времени пробуждения. Дрова и уголь нужно было готовить с вечера.

Мне нравилось колоть дрова. Физическая нагрузка возвращала тело к жизни, выбрасывая в кровь гормоны. Характер работы позволял вымещать необъяснимую агрессию. Также мне нравилось кидать снег и подметать двор. Монотонный труд, не требующий концентрации, и быстрый видимый результат: чистота, порядок. Это наполняло жизнь смыслом, пусть на недолгий отрезок, но спокойствия.

Иногда я ходил подворовывать уголь в котельную. Там у меня появился знакомый — бывший зек*. Такой же изгой, как и я. Главное, что позволяло нам общаться — его зрелая личность, в отличие от зашоренных колхозников, у которых всё по полочкам и понятно. Дело не в годах рождения. Возможно, строгий режим научил его быть сдержаннее в суждениях.

В большой комнате с металлическими шкафами и лежанками-топчанами, застеленными старыми фуфайками, у окна стоял стол. На нём был начерчен квадрат для игры в нарды. За этим столом мы выпивали, иногда играли и неторопливо общались. Обычно к четырём-пяти утра самогон кончался, я набирал мешок блестящих антрацитовых комков угля, кидал его на санки и вёз домой. В это время люди крепко спят. До утренней дойки коров — не менее часа. Лишь маленькие звонкие собачки иногда обозначали мой путь.

Люди в деревне сильно пропитаны устоями и зависимы от общественного мнения. Хотя это мнение меняется, как лай собак. Он передаётся из одного двора в другой по мере того, как вы идёте вдоль улицы. Но одно не меняется никогда. Если вы приехали жить в деревню во взрослом возрасте, то знаете — вы не станете частью этого общества. В мегаполисах обычно всем плевать на всех. Но в деревне — нет. Вы всегда будете чужим и бельмом на глазу. В

принципе, плевать. Но это объясняет количество драк, произошедших со мной за короткий отрезок жизни в колхозе.

«Дискотека»

Был то ли всеобщий праздник, то ли просто суббота. Не помню. Я был уже выпивший, и мне хотелось движения и женского тепла. Я затопил печь, приготовил дрова и уголь на утро, оделся и двинул на дискотеку в клуб. На мне была крутая фуфайка исчерна-синего цвета из плотного фактурного материала, с высоким угловатым воротником, который я поднимал вверх. Я был неотразим. Я уже ходил в клуб, но в компании с местными. Поход в одиночку обещал приключения. Я был в том состоянии духа, когда мне нечего было терять. Я был свободен, как птица в облаках, и готов брать от жизни всё. Я истосковался по жизни.

Дискотека проводилась, как обычно, в Доме культуры, в актовом зале со сценой и убранными в сторону рядами откидных кресел. Было темно. Сверкала оранжевая мигалка милицеской машины, гремела музыка. Кто-то танцевал, многие стояли вдоль стен. Я обошёл периметр, осмотрел лица и встал у стены.

Конечно же, меня интересовали телочки. Хотя клеить их я так и не умел. Но под лежащий камень вода не течёт. И вот потекло.

Ко мне подошёл один из местных авторитетов со своей свитой. Я уже знал, кто он. Он откатался* на тюрьме несколько месяцев. То ли сидел на дороге, то ли смотрел за чистотой*. Ничего серьёзного, но этого хватало, чтобы нагонять ужас и вешать лапшу на уши своим соплеменникам.

— Пойдём, выйдем, я тебя бить буду! — без особых реверансов обратился ко мне гроза здешних мест. — Пойдём! — Я жестом предложил старшему пройти первым.

Свита последовала за мной.

Мы вышли на улицу, отошли пару метров от крыльца. Смотрящий за дискотекой остановился и повернулся ко мне.

— Ну, чо?! — он слегка вскинул руки вверх.

Цель выхода была понятна. Я не стал выяснять «чо?», а молча пробил двойку* в грызло имбецилу. Тот упал на жопу и далее навзничь. Кто-то сзади-сбоку пнул меня ногой в район ахиллова сухожилия, да так неудачно, что больно попал носком сапога в основание малоберцовой кости. Я упал. Было скользко. Похоже, упал и бьющий. Последовали несколько ударов ног по корпусу с другой стороны.

Я сгруппировался, прижал подбородок, натянул руками воротник фуфайки так, что создал пространство между тканью и головой. По бокам фуфайка тоже натянулась, смягчая удары. Пинали меня недолго.

Когда я понял, что так называемое «битьё» закончилось, я встал, поправил фуфайку, отдернул чёткий воротник и пошёл в сторону своей улицы. Возможно, кто-то что-то пытался крикнуть мне вслед, но мне уже было неинтересно. Мне всё было предельно ясно и немного смешно. Эти лошары не умеют даже отпинать по-человечески. Даже подсечку нормальную сделать.

Конечно, такой вариант удара ногой в сустав имеет место быть. Но не думаю, что бьющий знал о техниках и имел опыт. Просто криво попал. А в условиях «один на один» он, конечно бы, поплатился, так как упал сам. Да и вообще бить на улице ногами, да ещё зимой — это всегда лотерея.

Я шёл в сторону дома, хромал и смеялся внутри себя. Вечер начинал складываться. В зале дома Мотики горел свет, играла музыка. Судя по всему, там тоже было весело.

*Откатался (сленг) — отсидел, провёл время в тюрьме.

*Сидел на дороге или смотрел за чистотой (жарг.) — занимался незаконной передачей сообщений и посылок между камерами или занимался хозяйственными делами в камере.

*Пробил двойку (сленг) — нанёс быстрый двойной удар (например, два прямых удара в голову).

«Мотики»

Мотики — многодетная семья. Мать, помимо алкоголизма, похоже, имела проблемы с умственным развитием. Отец — бухарик, но работяга. Старшая дочь успешно вышла замуж и уехала. Старший близнец, Мотик Слава, имел подтвержденное военкоматом отклонение в развитии, отражавшееся в выражении лица. В связи с чем он не служил в армии. В поведении был спокоен и безотказен в помощи. Благодаря недюжинному здоровью часто подрабатывал за бутылку самогона. Младший близнец, Мотик Вова, служил в армии, в стройбате. Но иногда, перепивая алкоголя, он одевал фетровый коричневый берет и становился военно-воздушным десантником, прыгал с крыши, делая в воздухе сальто, нырял через забор рыбкай, кувыркаясь на земле, и разбивал о голову бутылки. Тренировки очень помогали ему. Однажды, когда менты приехали арестовывать всю честную компанию, Мотик Вова выпрыгнул в окно головой вперед, разбил лбом стекло, красиво сгруппировавшись с кувырком на земле, моментально поднялся на ноги и по-спринтерски ушёл в бега. На пару лет младше близнецов, Мотик Димон был самым нормальным в развитии, что очень тяжело переносилось им. Он ясно понимал весь тлен окружающей действительности и безнадежность своего положения, хотя пытался вырваться из этого болота. Но тяга к алкоголю ломала его волю.

Эти трое тоже были изгоями и outlaw*, держались особняком, но, по сути, были одними из немногих нормальных пацанов в деревне и моим основным кругом общения. Я зашёл на огонёк.

Градус веселья в доме Мотиков в момент моего пришествия достиг сомнамбулического состояния тел и броуновского движения по комнатам. Из пацанов был Слава, который пил на кухне чай. Остальные ушли совершать свои чёрные дела.

Я со Славой не особо общался. Точнее, у нас не было общих точек пересечения мысли. Мы перекинулись парой фраз. На кухню зашла соседка по улице, тетя Оля с отрешённым взглядом, пьяная, пировавшая с родителями Мотиков в зале.

Тетя Оля — невысокая, округлая во всех частях тела женщина с короткой стрижкой. Работала дояркой. Судя по возрасту её сыновей, ей было не менее сорока, а возможно, далеко за. Но её лицо не выдавало возраст и светилось юной румянностью, возможно, из-за свежего молока или парниковых газов.

Она подошла, посмотрела на меня большими мутными, как у буренки, глазами и взяла за руку. Её руки были мягкими и тёплыми, как вымя коровы перед дойкой. Я никогда не трогал вымя коровы ни до, ни после дойки.

Но думаю, оно должно было быть такое же нежное, как руки тети Оли.

— Пойдём, поговорим! — держа за руку, я увлёк её за собой в комнату Мотиков.

В комнате был надёжный шпингалет, потому что Мотики всегда продумывали меры безопасности. В целях маскировки окно было задрапировано одеялом так, чтобы никто с улицы не мог понять, что происходит в комнате и горит ли в ней свет.

Я посадил пьяную доярку на кровать, взял за низ футболки и потянул вверх. Тетя Оля не особо сопротивлялась, подняла руки и осталась в бюстгальтере. Легко толкнув в плечи, я повалил её на спину и стащил с ног тёплые рейтузы вместе с трусами. Положил их рядом на пол. Свои штаны и трусы я спустил до отбитого голеностопа. Затем раздвинул её колени и навалился на живот.

— Что ты делаешь? — нежно прошептала подвергшаяся наглой силе женщина.

— Ничего! — я высвободил грудь тети Оли, немного приспустив бюстгальтер, и вошёл в жаркую доярку по самые яйца.

Она, не особо участвуя, спокойно покачивалась на кровати под звук панцирной сетки. Я положил ладони на её небольшие, тёплые и неожиданно упругие груди. Предельно глубоко толкнул и опустошил яйца.

Встал, натянул штаны и молча вышел из комнаты. В доме уже было тихо. Мотика Славы на кухне не было. Я накинул свою крутую фуфайку, отдернул вверх воротник и, прихрамывая, пошёл домой.

Мне было хорошо. Тетя Оля была хороша. Или моё освобождённое из-под оцепенения либидо дорисовывало желаемую картину в голове. У меня давно не было секса.

Дома я сразу же лёг спать. Я засыпал улыбающимся. Пьяному мне ничего не снилось. Я просто исчезал из этого мира.

*Outlaw (от англ. Outlaw) — вне закона, изгой.

«Космонавт»

Как обычно, несколько раз в неделю ночью я бухал в котельной с Кочегаром. Ведь мне нужен был уголь. Сменщиком Кочегара работал его сосед по дому. Сегодня почему-то он тоже пришёл выпить в котельную. Как его имя — я не знал. Но последний месяц его звали Космонавт.

Космонавт — неженатый мужчина за сорок — жил с мамой. Насмотревшись акробатических элементов Мотика Вовы, Космонавт, очищая крышу дома от снега, тоже решил сделать сальто. Прыгнув с крыши в сугроб, он сломал шею. Ему установили фиксирующий «воротник Шанца» вокруг шеи, который выходил высоко за затылок, обволакивая практически половину головы, и чем-то напоминал раскрытый скафандр космонавта.

— Эй, Космонавт, смотри, как надо крутить сальто! — кричал Мотик Вова, залезая на крышу каждый раз, когда видел проходящего мимо бедолагу. — За ВДВ! — прыгал вниз, вращая чёткое сальто, пьяный десантник.

Космонавт грозил Вове кулаком и обещал начистить табло, когда с него снимут «воротник».

Мы сидели втроём за столом и нажимали по самогону. Судя по общению, умственные способности Космонавта уступали даже Мотикам — как олигофрену Славе, так и токсикоману Вове. Хотя в деревне он считался нормальным, среднестатистическим колхозником.

В связи с «воротником» на шее Космонавту не представлялось возможным привычно пить напитки из стаканов и рюмок, запрокидывая голову назад. Чтобы опрокинуть рюмку, ему приходилось одной рукой держаться за край стола, другой подносить тару к губам и откидываться всем телом назад, пока угол наклона рюмки не позволял жидкости перетечь в рот. Это была сложно уравновешенная физическая система. Чтобы достичь нужного угла наклона для полного перетекания жидкости, Космонавту приходилось придвигаться близко к столу, упираясь животом. Но он так бодро научился опрокидываться, что каждый раз, поднимая рюмку, произносил тост.

— Ну, будем здоровы! — пожелал нам Космонавт.

Меня разрывало от смеха, который я еле сдерживал внутри себя. Мы выпили.

— Ладно, я домой, всего доброго! — пожелал я колоритной компании, зацепил рукой санки с углем и пошёл домой.

На улице порывистый ветер после оттепели превратил жизнь в гололёд. Говорят, мы не ценим, пока не потеряем. Это, смотря что. Но переоценка, конечно же, происходит.

Не знаю, было то связано с ветром, но в деревне произошло полное отключение электричества. Свет погас везде. Ближайший источник света, который небольшим, но уловимым заревом над городом отражался в плотных слоях атмосферы, находился километрах в сорока. Но это не было заметно в первые минуты темноты, которую я видел впервые в жизни.

Погасли уличные фонари, придомовые плафоны, окна. Луна освещала непривычно другие поверхности, находящиеся в другой плоскости, нежели те, что ранее отражали доминирующие лучи уличного освещения. Угол падающего света изменился. Теперь то, что было в тени, стало видимым.

Большие площади заснеженных участков во дворах, горизонтальные крыши домов и сараев проявились. А стены, заборы и другие предметы в вертикальной плоскости пропали, поглощённые мглой. Необъятные просторы предстали передо мной. Я оказался в атмосфере деревни прошлого века. Мир напоминал негатив фотоплёнки.

«Сознание»

Снился опять тот подъезд. Я спускался по лестнице. Из окон между этажами, за ограждением из железных прутьев, поступал дневной свет. Его хватало, чтобы видеть ступени и двери. Но последний пролёт был в темноте. Я посмотрел вправо, на вход в подвал. Он был открыт и зиял глубокой чернотой. У двери тамбура стояла маленькая белая болонка и смотрела на меня большими глазами с длинными ресницами. Я открыл двери, и она побежала на детскую игровую площадку, издавая крошечный, звонкий лай.

Я выбежал на улицу и пошёл за дом. Дорожка асфальта вдоль периметра дома была вскрыта у технического окна в подвал. Канава, вырытая для замены труб теплосети, обнажала плиту фундамента и тянулась метров на десять в сторону колодца. Я забрался на насыпь из свежей глины и увидел внизу бетонные перекрытия теплотрассы. На одной из плит лежало тело мужчины, на животе, немного боком, так что я видел правую часть лица с приоткрытым ртом. Чёрные блестящие волосы на голове были взъерошены. Мои ноги потеряли опору на обвалившемся в канаву грунте, и я полетел вниз.

Сознание после пробуждения было похоже на картинку пустого двора с видеокамеры наружного наблюдения. Солнце всходило из-за горизонта, и мгновение двор был пуст. Но затем, промелькивая как двадцать пятый кадр, а далее как более длительные вклейки, во дворе начинали появляться Прохожие Мысли, на которые моментально реагировал Пёс Ума.

Сперва прохожие не имели Форм и Имён. Но брызгающий слюной Пёс моментально облепливал их словами, бросаясь то на одного, то на другого, неслышно клацая челюстью, ограниченный цепью, которая вздрагивала, как струна, но без звука. Лишь амплитуда передавала напряжённый характер колебания. Пёс начинал метаться. Уму было необходимо вцепиться в какую-нибудь мысль.

Пришла весна. Я устроился работать сеяльщиком на время посевной кампании. На посевную устраивались не за зарплату, а за зерно, которое можно воровать. Зерно в деревне — валюта.

Работа сеяльщика проста, но тяжела и по-своему интересна. Просыпаться приходилось рано. Так что к восьми утра мы уже были в поле и начинали сеять. Заканчивали поздно, к сумеркам.

На сеялке, которую тасил за собой колесный трактор, находились двое. Задача сеяльщика — заправка бункеров зерном и наблюдение за каналами подачи. Необходимо ходить вдоль бункеров по прыгающим и грохочущим трапам, держась за поручни и пробивая засорившиеся каналы шомполом. Ещё цепью опускать маркер, если стоишь на внешнем радиусе при повороте и поднимать на внутреннем. Маркер — это металлический диск на длинной оси, типа колеса, которое чертит на земле полосу-метку для движения трактора в обратную сторону. Скорость движения трактора с сеялкой была не особо высокой. Но если ты стоял на внешнем крае и опускал маркер, то приходилось проявлять осторожность и нехило напрягаться под воздействием центробежной силы. Трясло и подкидывало так, что ноги подлетали над трапом. Это увлекательный был аттракцион.

Мне нравилось, что я много времени находился с собой, в своих мыслях. При этом не испытывая угрызения совести от бесполезно потраченного времени. Я находился на работе, но мои мысли могли быть там, где я желал. Сроки не ставили, над душой никто не стоял, но засеять нужно было как можно быстрее.

Ветер, поднимая взвесь земли, пыли и шелухи, сек лицо. Приходилось, подобно пиратам, заматывать платком. Дышать через него тяжело. Глаза забивало землёй, и они воспалялись. Кожа обветривалась и трескалась. Но при определённом настрое время пролетало интересно.

«Маркер»

Я придержал цепь, замедляя падение маркера в пашню. Следующие двадцать минут, до разворота сеялки, были в распоряжении моего внутреннего мира. К этому времени мы засеяли несколько полей. Я присмотрелся к обстановке, к процессу, к коллективу и уже не волновался, если один из ручейков подачи зерна забудется. Поэтому поправил платок на лице, натянул капюшон на глаза и погрузился в свои мысли. Вибрация сеялки убаюкивала. Периодически прикрывая глаза, я всё ярче переживал фантазии.

Я представлял, как вернусь в город и заявлюсь к Полине. С полными карманами денег, в красивой одежде, и произведу впечатление, после которого она не просто даст мне, а выполнит все мои грязные фантазии, сидя у ног.

Вернусь подобно тому разу, в ночь на Рождество, года через два после нашего первого секса, когда, несомый волной фарта, жизнью джентльмена удачи, я зашёл к ней на огонёк. В чёрных ботинках Boxer, чёрных джинсах Levi's 501, чёрной катановой рубаше Collins и чёрном кашемировом пальто, свежо и аккуратно стриженный, с дерзким взглядом и уверенностью в движениях, словно вампир с чёрной душой.

В гостях у Полины находились два молодых кавалера и подруга-соседка. Молодые кавалеры были постарше меня и, судя по взглядам — мамкины бизнесмены на папкином форде*.

Иногда достаточно одной метко вставленной фразы, чтобы создать нужное впечатление о себе и направить мысль собеседника в ту область дискурса, в которой вы выгодно займёте доминирующие позиции. Часто это афоризм или крылатая фраза: неконфликтная, но ставящая в замешательство.

Научиться этому нельзя, потому что нет точных и проверенных директив, тайм-кодов и фраз. Это может быть дар и развиться непосредственно путем опыта, общения в различных социальных группах. Обтесывая неуместные углы и накатывая тактические ходы, вы поймёте, где и когда нужно вставить волшебное слово. Этому могут помочь художественные книги.

Умение слушать, понимать и не принимать на свой счёт — тот скил*, который поможет оставаться уверенным в себе, не говоря лишних слов. Спокойствие в голосе — та масть игральных карт, которая всегда будет козырной. Вежливость ценят сильные, хотя не понимают слабые. Но слабые нам не помеха.

Не знаю, кем я показался мамкиным бизнесменам, но они прониклись показушным уважением ко мне, проявляющимся в неоднократном пожатии руки после моих нечастых шуток. Поэтому ребята решили вывести девчонок на разговор в подъезд. Без меня. И потерпев неудачу, ключ зажигания в папкином форде издал характерный скрежет стартера. Чёрная иномарка, выбросив серый дым в морозный воздух, исчезла в темноте рождественской ночи. А через полчаса мелкие снежинки засыпали следы некогда стоявшей у подъезда машины. И как их звали, даже история знать не желает.

Подруга-соседка покинула нас, и свеча горела на столе. Декоративная, как новогодний ёлочный шар, свеча горела. Полина села ко мне на колени и пьяно запела.

— Мальчик мой! — протянула она мне бокал с вином.

— Полина, слезь! Места что ли нет? Неудобно! — я ускорил освобождение моих коленей от нелёгкой во всех смыслах девушки руками.

Легко с ней было только залезть в постель. Но и здесь я придумывал себе трудности. Мне нравилась её, как бы альтернативная, модельная внешность. Монументальное, как скульптура, тело и мраморная кожа. В ней было что-то, что выделяло её из толпы и захватывало внимание. Она умела слушать и спокойно быть рядом в моём асоциальном мире. Но поведение и манера общения наедине бесили. Поэтому я предпочитал воздерживаться как от комплиментов, так и от замечаний. Я не мог врать ей, льстить тем более. Возможно, из-за того, что уважал. Она

чувствовала это, понимала и, видимо, поэтому предпочитала меня, а не социально приемлемых и материально обеспеченных мамкиных бизнесменов на папкиных иномарках, которые бегали за ней, льстили и ввали, осыпая комплиментами ради той же цели — раскинуть её крепкие длинные ноги в стороны.

Кровать в её комнате, с бабушкиной периной и без алкоголя с препаратами, была мягкой. Я утопал в облаках, всеми силами пытаюсь плотнее соединиться. Полина проваливалась под мной в пуховые массы. Я выгибался всем телом, пытаюсь всадить ей поглубже. И она предложила овладеть ею сзади, встав раком.

Это был мой первый секс в этой позе, ещё до всех тех пикантных бонусов с попкой. Я ощутил запах её гениталий, и это возбудило во мне что-то животное, чего я раньше не замечал. Крепко схватив за бёдра, я начал долбить её с характерными шлепками тел, к которым добавились хлопки её груди о живот. Кровать ходила ходуном и стучала о пол. Это было так громко, что мне казалось — слышит весь дом.

Как часто бывало после, я стоял с чашкой кофе в руках у окна на кухне с выключенным светом. И как всегда чувствовал себя уютно и защищённо.

— Артём! — раздался голос. — Артём, иди сюда! — кричала из комнаты Полина, продолжавшая лежать в неге с вытекающей на ляжку жидкостью. — Артём! Артём! Положи в кофе сахар!

Я пошёл из кухни и, не увидев в темноте ребро двери, врезался в неё пахом и лбом, так что пролил на живот и член горячий напиток. Присел на корточки и закатился чистым и откровенным смехом.

— Артём! Артём! Положи в кофе сахар! Артём! Артём! Поднимай давай маркер! — кричал напарник на сеялке.

Я вскочил с корточек, потянул на себя маркер. Он уже грохотал по сухой и твёрдой, как бетон, колее полевой дороги. Зацепил цепь за крючок. В трусах было тепло и влажно. Я оттянул резинку штанов с трусами и понял, что очередная поллюция накрыла меня в фазе быстрого сна.

Начинало темнеть. Мы досеяли поле, отстегнули трактор от сеялки и поехали в деревню. Я слез на параллельной от своей, соседней улице, взвалил на плечо положено-украденный мешок пшеницы и потопал к дому.

Забитые землёй глаза болели. Уголки глаз щипало. А обветренное лицо болезненно напоминало о шелухе, что подобно острым бритвам секла кожу на ветру. Помыться и упасть спать — это всё, что хотелось в эту минуту. И было плевать, что ты не свежо и аккуратно стрижен, твои карманы пусты и нет той чёрной и модной одежды. Хлеб пахнет землёй.

*Форд (с англ. Ford) — иномарка.

*Скил (сленг, от англ. skill) — навык, умение.

«Новая Россия»

Я учился на юридическом факультете по специальности правоведение.

— Короче, берёшь косарь*, вырезаешь нули и приклеиваешь на другой косарь. Получается сто косарей! — Жека показал нам со всех сторон самодельную купюру в сто тысяч рублей. Не складывая её, положил обратно в паспорт и вернул во внутренний карман.

— Осталось только найти новые тысячи и по возможности побольше, пока тема работает! — рассказал нам о новом способе наживы старший пацан, четверокурсник, хотя был отчислен уже как пару лет назад. Возможно, больше. Но талантливый аферист и мошенник продолжал жить в общежитии как студент и каким-то образом обманывал комендантку.

— Ха! Что-то шняга какая-то! И что, реально работает? — усомнился Паха.

— Да, бля, сегодня одну такую разменяли. Проблема в том, что этих только что выпущенных косарей мало в обиходе!

— У меня есть несколько! — сказал я, недавно приехавший из дома от родителей. Они выдали мне на пропитание небольшую сумму с новыми тысячами.

Россия Ледовласова, с её процессами, была настолько многогранной и пёстрой, как лоскутное одеяло, что у многих кружилась голова. Это была действительно страна возможностей, с полем чудес в стране дураков. Некогда символически прятавшие под коврик ключи от квартиры люди оказались не готовы к свалившемуся на них преступному миру.

Мы одели Жеку в моё чёрное кашемировое пальто для солидности. Он напялил на палец почти золотую, взятую напрокат у старшего товарища, печатку для понта*, и наша гоп-компания отправилась на такси менять свежесклеенные купюры в ларьках города.

— Пачку «Мальборо», бутылку шампанского и презервативы! — постукивая средним пальцем в печатке по раме открытого окошка ларька, произнёс Жека деловым голосом и кинул на блюдце самопальную стотысячную купюру.

Ему подали сигареты, презики, бутылку и сдачу.

— Еее! — протянул Жека, садясь в такси, и хлопнул ладошкой по кулаку Пахи.

Пашка — товарищ, с которым мы познакомились пару лет назад, когда я перешёл в новую школу заканчивать старшие классы. Это был стокилограммовый борец-самбист, сажающийся на шпагат на минус и отлично бивший как с ног, так и с рук. Мы уехали учиться в разные вузы в один город. Однажды, наблюдая, как Паха сломал старшекурсника, пожелавшего прописать* его, я понял, что с этим человеком можно не бояться никаких замесов*. Это был человек-машина, человек-оружие. Нам было интересно общаться, хотя жили мы разными интересами.

Разменяв несколько самодельных стотысячных, мы нехило подняли*. Пришло время поделить «намученное»* и разбежаться по интересам. Паха, как всегда, проводил меня до метро, где мы покупали по хот-догу и кушали их на улице.

— Два хот-дога! С майонезом, с кетчупом и горчицей! — уже обращаясь ко мне, как бы ставя в известность, сказал Паха.

— Да! — ответил я.

— Так что, вы переехали на новую квартиру?

— Да! В трёхкомнатную! Комната хозяйки закрыта! Брат и два его кента. Компаха капец, конечно! Но дешёво и сердито!

Простая сосиска в булке — а сколько эмоций. Вот это время. Это было прикосновение к новой жизни, новому миру, казавшемуся нам Лос-Анджелесом.

— Что будешь курить?

— Пал Мал!

- *Косарь (сленг) — тысяча рублей.
- *Печатка для понта — перстень-печатка для создания видимости статуса, «понтоваться».
- *Прописать (сленг) — избить.
- *Замес (сленг) — драка.
- *Подняли (сленг) — заработали, получили деньги.
- *Намученное (сленг) — добытое, заработанное (часто нелегальным путем).
- *Пал Мал (сленг) — сигареты Pall Mall.

«Алексей»

Алексей не переваривал Владимира Кузьмина, а Мансур его очень любил. Иногда казалось, что Алексей возьмёт нож и зарежет Мансура, чтобы он не включал этот «поезд, который мчит его в сибирские морозы». Но это, конечно, бурная фантазия. Алексей вряд ли мог кого-то резать, как и просто избить, несмотря на то, что был двухметровым лыжником, увлекающимся туризмом девяностых, и являлся копией Шварценеггера в момент взятия Олимпии.

Лёха бегал на лыжах в Спартакиадах за Универ. Часто с похмелья. Однажды, идя первым, ушёл мимо флажков, так как с бодуна не соображал, а зрение минус семь с ярко выраженной амблиопией и без того уводило его в сторону. В жизни тоже.

Лёха много пил, проработав три года на пивзаводе. Там он и потерял своё здоровье, толерантность к алкоголю и стремление к жизни. И кукуху*. Перейдя на заочную форму обучения, он формально числился, сохраняя общественный статус студента. А по факту тяжело пахал грузчиком и также тяжело бухал.

Уставая от пива, Алексей воровал пенный напиток в банках и менял его на майонез на жироскомбинате за забором. А затем майонез менял на водку за забором с другой стороны пивзавода. Вот такие хитрые схемы проворачивал друг моего старшего брата, мой кумир и сокамерник, с которым мы ели из одной кастрюли.

Мы переехали в просторную трёхкомнатную квартиру с одной закрытой комнатой хозяйки. Множество спальных мест позволяло нам устраивать сумасшедшие тусовки и превратить хату в перевалочную базу для разных музыкантов-знакомых моего брата и клиентов Мансура, работавшего в концертном агентстве.

Был день рождения брата. Мансур уехал в тот день домой. Справляли я, Брат, Лёха и две девочки из престижного экономического института. Так я и познакомился с Наташей номер два в своей жизни. Я влюбился в неё сразу. Широкие скулы, агрессивные брови. Она была коротко стрижена в тот момент, что называлось в те годы «под расчёску». Это было смело и сексуально. Она была красива в моей системе координат.

Мы пили, смеялись. Старший брат и Лёха знали, о чем говорить, и чувствовали себя органично. Я же был зажат, несмотря на алкоголь, и весь вечер искал повод проявить себя, заговорить с Наташей. Даже пытался отчаянно танцевать.

— Водка кончилась! Кто пойдёт? — торжественно произнес именинник.

— Конечно же я! — маякнул я рукой брату.

Это было не столько дедовщиной, сколько органичным и рациональным проявлением в нашей условной семье, как это называется в тюрьмах и зонах. Коммунистическая сознательность: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Эти парни, рожденные на семь-восемь лет раньше меня, уже не понимали мир, в котором сейчас находились. Не чувствовали дух времени и, скорее всего, влипли бы в какую-нибудь историю в этом районе ночью, да ещё у ларька. Они были уверены больше во мне и спокойнее со мной, посещая различные общественные, беспокойные места, потому что я мог поговорить на языке быдла. Они это понимали и не скрывали мой авторитет в этих вопросах. Мы даже купили боксёрский мешок, и я учил их боксу, учил правильно бить. Они слушали меня как тренера, и в них не возникало сопротивление. Короче, мне было безопаснее сходить ночью за алкоголем. Да и вообще на меня всегда возлагалась обязанность следить за пацанами и обстановкой в хате во время пьянок, мандат чего был выдан мне самими пацанами и Мансуром в частности.

Я начал одеваться.

— Я с тобой! — нарисовался в коридоре Алексей, в солнцезащитных очках и ярком лыжном облегающем костюме.

Нужно ли напоминать, что у Алексея и без того было зрение минус семь, а на дворе ночь? И даже без чёрных солнцезащитных очков, в костюме лыжника он являлся клиентом как ментов, так и гопников. Девчонки катались по полу от смеха.

Я уже знал, что у Лёхи по пьяни фляга свистит*, но закатившись в ржач, ничего не сказал. Брат решил, что лучше идти всем вместе. Наташа и подружка были не против прогуляться. Да и спальный район, в котором мы жили, был действительно красив, хотя каждую ночь в нём звучали выстрелы.

Я помню ту ночь. Каким-то образом я предложил Наташе руку, спускаясь по скользким ступеням, и был счастлив, что как-то проявил свой интерес. И уже не отпустил, идя рядом с ней. Но мой мозг метался, пытаюсь найти слова для беседы. Хорошо, что Лёха в пёстром, обтягивающем костюме плясал перед нами и веселил разговорами, подобно свадебному тамаде. Так что неловкого молчания не возникло. Мы купили алкоголь без происшествий и вернулись домой. Ещё пили, пели «Чёрный Ворон» и танцевали под Чижа.

Я проснулся в зале от того, что в дверь звонили и пинали. С жуткой сухостью во рту и пульсирующей болью в голове я подошёл к двери, сдвинул внутреннюю защёлку и открыл.

Приехал Мансур.

— Здорова! — он пожал мне руку и заглянул через плечо в зал. — Вы чо забаррикадировались? Что у вас происходит? — задал риторический вопрос Мансур.

По постпраздничному столу в центре зала и вещам лыжника, валяющимся в коридоре, было понятно, что происходит интересное. Держась за лоб рукой, я открыл дверь на кухню, откуда сразу ударил голос Лёхи, подпевающего Кузьмину:

— А за окном все так же стонут провода! И поезд мчит меня в сибирские морозы!

Лёха в брюках и с голым торсом сидел напротив музыкального центра «Sony» и, держа его за колонки, немного наклонял на себя. И было непонятно, хочет он его сложить в гармошку от ненависти или поцеловать в деку от любви.

— Вот что! — ответил я Мансуру на вопрос, на который ответ был необязателен.

Сказать, что Мансур ахуел — это ничего не сказать. Он открыл рот, снял шапку, приложил её к груди и неподвижно застыл на некоторое время. Возможно, он хотел перекреститься, но был татарин.

Вечер удался. Именинник спал с девчонками в комнате, где была двуспальная кровать и раскладное кресло. Я зашёл на кухню, убавил громкость, от чего Алексей открыл глаза, пришёл в себя и, косоглазо щурясь, улыбнулся. Он снимал очки, когда был ужасно пьян и мало что видел.

Я налил водки в две рюмки и предложил Лёхе.

— С добрым утром!

— С добрым!

Мы стукнулись рюмками и выпили.

*Кукуха (сленг) — рассудок, психика («крыша поехала»).

*Фляга свистит (сленг) — неадекватное поведение.

«Посевная»

Сеялка продолжала прыгать по пахоте. Я уже не суеился с наблюдением за подачей зерна и более спокойно предавался мыслям и мечтам. Проезжая мимо колков* — пятаков леса, тут и там разбросанных среди полей, — я вспоминал такие же пейзажи, которые наблюдал из автобуса по пути от метро до района, где мы жили той колоритной компанией. Там так же простирались пахотные поля и островки леса, преимущественно берёзового.

Была середина мая. Лёха опоздал на последний маршрутный автобус до дома. Посёлок находился километров в пятнадцати от метро. Но разве это расстояние для бывшего лыжника? Особенно бухого и купившего кроссовки «Экко», о которых ещё пару лет назад можно было только мечтать. А сегодня фирменные магазины «Экко», «Адидас» и «Левайс» были привычны, как спирт «Royal» и металлоприёмки.

Лёха работал на погрузке металла. За ночь он хорошо зарабатывал. Работа была нечастая, два-три раза в неделю, но адский труд хорошо оплачивался. Лёха получил зарплату, купил кроссы и тут же обмыл их с кентами по работе. Опоздав на автобус, он, с бутылкой водки в руках, плохо соображая, пошёл пешком от метро до дома. Где-то на середине пути его накрыло, и он отключился. Проснулся, когда рассвело, но не от холода. Абсолютно голый, укрывшийся курткой, Лёха спал на траве под берёзой. Трусы лежали под головой. Рядом — джинсы, майка, чуть дальше — носки и один кроссовок. Алексей обыскал большую площадь вокруг, но так и не смог найти второй кроссовок. Лыжник пришёл домой в одном кроссовке, а на следующий день купил новую пару.

Не стоит задаваться вопросом: зачем Алексей разделся? На этот вопрос он сам не мог ответить. Работа на пивзаводе не прошла бесследно. Хотя какая-то тяга к демонстрации тела у него наблюдалась. Возможно, это синдром накачанного культуриста и знак зодиака Дева.

Тогда, на следующий день после дня рождения брата, приехал Мансур, и мы продолжили отмечать. Девчонки уезжали и приезжали. И снова уезжали. Шёл наш недельный запой. Брату было плохо, мы с Мансуром безудержно веселились, а Лёха уже постоянно ходил без очков, с голым торсом.

Однажды днём, проснувшись на раскладном кресле в комнате, где мы ночевали с братом, который спал на двуспальной кровати, я зашёл в зал. Там были два раскладных дивана для ночлега Лёхи и Мансура. Я обнаружил абсолютно голого Алексея, лежащего головой под журнальным столиком, с аккуратно сложенными трусами под затылком вместо подушки. Алексей был, безусловно, красив накачанным телом, но все же он был мужчина и без трусов.

Я разбудил Мансура, спавшего на своём диване. Несколько секунд Мансур рассматривал атлета-лыжника и земляка по совместительству, а потом крикнул: «Лёха!»

Лёха вздрогнул, а через секунду вздрогнул сильнее и громко заорал. «Похоронили» — была его первая мысль. И все осознание эксгибиционизма и сна на полу с трусами под головой уже не имело эффекта удивления для него. Лёха был сундук с приключениями.

Время шло, и мы съехали с хаты. Мансур хорошо зарабатывал в концертном агентстве и поселился один, встречаясь с зеленоглазой и рыжеволосой Катей из актёрского училища. Брат закончил обучение и вернулся к жене. Паха стал активным членом одной из организованных преступных группировок, как это было принято говорить в криминальных новостях и сюжетах. Хотя изнутри все выглядело иначе. Но не будем учить людей снимать передачу «Человек и Закон». Паха хорошо выглядел, ходил в дорогой рубаше, брюках и итальянских туфлях на кожаной подошве.

— Паша, ну ты прям как менеджер! — пыталась сделать ему комплимент знакомая девушка.

— Не обзывайся! — смущённо ответил человек, грабящий менеджеров.

Мы оставались с ним в братских отношениях, хотя встречались редко в силу нового круга его общения со старшими ребятами на «крузаках»*. Я иногда, когда опаздывал на метро, ночевал у него на съемной хате в центре города, на диване, в котором хранились обрезы и пистолеты.

А мы с Лёхой поселились в общежитии на краю города, где ночами по брезентовому рукаву с брандспойтом спускались из туалета на улицу за водкой и обратно. Выход из общежития после двадцати трёх ноль-ноль был в один конец, до утра.

Там и случилось то, что невозможно придумать. Хотя все истории с Лёхой кажутся выдумкой. Лёха не сорвался с рукава с брандспойтом вниз, хотя несколько раз я тащил его за шкирку на последнем дыхании.

Лёха любил AC/DC. Я же топтался на месте в попытках бросить наркотики, закрыть долги по учебе и признаться в своих чувствах Наташе. Но это было бессмысленно, потому что первая проблема являлась причиной второй и поглощала третью. Наталья подозревала о моём образе жизни, но продолжала тепло общаться, скорее по-дружески-матерински, хотя понимала, что я влюблён.

Мы собрались с ней в клуб, где в ту ночь ожидалось много знакомых. Я предложил Лёхе пойти с нами, чтобы решить проблему с подружкой, которой он также не мог предложить более близкие отношения. Лёха тоже имел сложности общения с девушками, которые ему нравились, но не такие глубокие, как у меня. Возможно, потому что имел более приземлённые представления о любви. Я как гуру накачивал Лёху решительностью, которой не хватало самому. В итоге Лёха накачался бухлом так, что к полуночи уже снял очки и сверкал звездой танцпола, улыбаясь всем девицам, абсолютно забыв о той, с кем пришёл в этот клуб и зачем.

Я с Наташей ушёл раньше. Она нагадала мне, что в жизни у меня будет три любви и третья станет моей спутницей. Всеми усилиями памяти я пытался найти вторую, чтобы эта Наташа стала третьей любовью моей жизни, чтобы пророчество сбылось. Но как я ни крутил — она была второй Натальей, в которую я был влюблён и считал красивой. Той, чьё лицо нравилось мне в любом проявлении.

Я проводил её до дома, приятно пообщавшись, вернулся в общежитие и лёг спать. Пьяному мне ничего не снилось. Я проваливался в небытие и выныривал с впечатлением временного исчезновения из этого мира.

На редкость — я проснулся на левом боку, лицом к стене, что говорило о глубоком отключении. Комнату разрезали жёсткие, агрессивные рифы, примитивные, как гвозди, пробивающие пластик барабаны и лужёный, как скрип калитки, вокал Лёхи, подпевающий Бону Скотту:

— Living easy, living free! Season ticket on a one-way ride!*

Я повернулся на правый бок. За столом сидел Лёха, без очков, как обычно, держа перед собой магнитофон, из которого гремела песня «Highway to Hell» AC/DC, на удивление, с геометрически точным образом, наполовину грязным лицом. Я пригляделся и увидел грязь на куртке и штанах, словно кто-то на подъёмном кране взял Лёху за руку и ногу и ровно по оси симметрии, по линии носа, погрузил одной стороной в жижу грязи. Это была загадка.

— Лёха, ты в зеркало себя видел? — спросил я.

— No stop signs, speed limit!* — с визгом махнул рукой Лёха и налил водки в гранёный стакан.

Мне нравилось начало дня. Я тоже бахнул стакан, и свет из окна стал более розовый. Лёха помылся, и мы продолжили веселье своей нерешительной, пацанской компанией со своими приколами.

Позже Мансур рассказал, как было дело. К закрытию клуба все знакомые сконцентрировались на улице у входа и ждали Лёху. Лёха поднялся по ступеням из заведения, располагающегося в цокольном этаже здания, и, сильно кренясь на левый бок, шагая диагонально в

сторону, с равномерным ускорением, мимо компании, мимо своей подруги, словно длиннокрылый пикирующий бомбардировщик, упал в канаву. Мансур взял под руку подругу Алексея, молча увёл в сторону, поймал такси и проводил домой.

— Артём, поднимай маркер! Впереди колок! Что, не видишь лесок?!

Я поднял маркер, и край сеялки, сильно подпрыгнув, залетел на невспаханную целину.

*Колки — небольшие участки леса среди поля.

*Крузаки — (жарг.) автомобили Toyota Land Cruiser.

*Living easy, living free! Season ticket on a one-way ride! — Живи легко, живи свободно!

Билет в один конец!

*No stop signs, speed limit! — Никаких стоп знаков, ограничения скоростей!

«Канава»

Машина остановилась улицей ниже, параллельной той, с которой заходили во двор нужного нам адреса, у колодца, от которого метров на десять тянулась канава. Её вырыли для замены труб в теплотрассе выходящей из технического окна в фундаменте, с тыльной стороны дома.

— Вася, побудь в машине! — кивнул Паха Жеке.

Я вышел из такси и перешёл через насыпь свежей глины. Она сразу прилипла к туфлям.

— Бля! — взглянул я на подошву, подняв ногу. В канаве лежали рулоны стекловаты. Мы прошли прямо, повернули направо, поднялись вверх по улице, затем опять направо, до нужного нам дома.

— Вася, там она и молодой цыган! Может быть, ещё один постарше, но вряд ли! Она твоя! — пояснил мне Паха и позвонил в звонок на калитке у больших металлических ворот.

— Кто? — выглянула в форточку цыганка.

— Вера, это я, Павел! — крикнул Паха, показывая лицо через забор.

Через минуту щёлкнул засов, и калитка открылась.

— Привет!

— Кто это?! — Вера кинула взгляд в мою сторону.

Паха схватил цыганку за одежду на груди, быстро втолкнул во двор и правой рукой, вытащенной из кармана, в котором лежал пистолет, ударил в лицо, опустил на колени и побежал в дом.

Я запустил руку под яркий платок, крепко схватил женщину бальзаковского возраста за скользкие, стянутые в косы волосы, распрямил и сходу воткнул колено в солнечное сплетение. Цыганка глухо выдохнула, согнулась и застонала. Платок слетел с головы. Я поднял его, обернул вокруг ладони, толкнул дверь и уже двумя руками, как мешок, за косы, затащил жертву в прихожую.

В доме поднялся шум. Звуки падающих предметов, громкий низкий голос, звон стекла и хлопок, похожий на выстрел. Я отпустил накрученные на кулак косы цыганки и ногой, как футболист по мячу, ударил в лицо. Она завалилась на бок, мыча низким тембром.

Даже в этой ситуации было не очень приятно перебирать и ощупывать многочисленные цыганские тряпки. Халат, фартук, платье, юбка. Не пытаюсь понять, что и сколько слоёв было надето на барыге, я нашёл карман с небольшой суммой денег.

В прихожую вернулся Паха, поднял цыганку за волосы, ударил ладонью по щеке. — Где? — и потащил в дом.

Время воспринималось неравномерно. Всё происходило быстро, но каждый отрезок казался опасно затянувшимся. Наверное, минут через пять мы вышли на улицу, повернули за угол и спустились на улицу ниже, где нас ждало такси.

Подходя к колодцу, я глянул на открытое окно с тыльной стороны дома. В нём горел свет, и колыхалась занавеска. Не желая вляпаться в глину, я залез в машину с другой стороны, от вырытой канавы.

— Вася, двигайся! — сказал я Жеке, сидевшему на том же месте за водителем.

— Погнали обратно, командир! — приподнятым хорошим настроением голосом произнёс Паха.

Всю дорогу я ощущал то ли реальный, то ли фантомный след жирности цыганских волос на ладонях. Старался не касаться ими одежды и тёр о сиденье машины.

Приехав обратно, мы сразу потопали в общагу, чтобы быстрее замутить и распробовать добычу. Я зашёл в ванную помыть руки. Не помню, сколько пробыл там, намыливая ладони. Мне казалось, что след цыганских кос не смывался.

— Тёма, ты что там, завис? — громко позвал Паха. — Дрочишь что ли?

— Пора уезжать из этого города, он стал тесным! — затягиваясь сигаретой и плавно моргая глазами, сказал Паха.

— По городу мы теперь в цыганском розыске! К легавым-то они не обратятся! — размышлял я вслух, затягиваясь никотином с прикрытыми глазами.

Мы грабнули цыганку в посёлке недалеко от миллионного города. Через людей, которые нас, точнее Паху, с ней свели, мало что можно было узнать. Поэтому мы сделали это так нагло.

Общество страны того времени не было готово к разгулу преступности и процветанию незаконного бизнеса. Но и сам теневой бизнес не был готов к махновщине и беспределу.

Кроме имени и приблизительного района, где временно проживает Пашка, вряд ли что могли найти цыгане. Но действительно, ждать, когда станет поздно — не стоило. И вообще нужно было менять жизнь.

Кто ещё был в доме и что за хлопок прозвучал — я не спросил и не спрашивал потом. Паха уехал к друзьям куда-то на север, а я, отчисленный из института, — домой к родителям.

* Легавые (сленг) — полицейские.

* Махновщина (истор., перен.) — хаос, беспредел, анархия (от имени Нестора Махно)

«Весна»

Вчера я опять подрался. Без повода и смысла. Мы закончили посевную и приехали в деревню пораньше. Загнали сеялку на территорию РММ и забухали в цеху. Тракторист напился и упал на спину. Пришлось тащить его под руки домой. Там я и встретил ту компанию и их героя. И понеслось.

Я старался сильно не вымахиваться, не понимая, чем может закончиться драка. Ведь как часто бывало: начавшаяся непонятно из-за чего один на один, она заканчивалась толпой на одного. Я держал на дистанции. Но несколько раз мы хорошо зарубились и разменялись. Поэтому сегодня немного побаливала переносица. Драка кончилась ничем.

Мы с товарищем стояли у меня во дворе и думали, где похмелиться. Он вырос в этой деревне, но жил в областном центре. Иногда приезжал погостить к бабушке. Он откатался несколько месяцев на тюрьме и был осуждён условно. Как и многие после такого поверхностного опыта, он мурчал*, пытался выглядеть так называемым «блатным» и жить по чёрным понятиям. Он, так же как и я, «травился» когда-то. Я как никто другой мог поддерживать с ним разговор, ведь был немного знаком с криминальным миром. Хотя все это поведение на воле виделось мне смешным и глупым. Но он, почему-то, видел во мне братское сердце. А я не разбивал его иллюзий о моей солидарности с отрицалами и нигилистами мира сего. Мы стояли во дворе и думали, где замутить бухла.

— Игорь! — окликнула его с улицы моя соседка по дому. Её муж уехал на заработки. Она, как обычно, побухивала и, похоже, стала погуливать. Я не находил в ней сексуальный объект, общался с её старшим сыном и помогал чем мог, так как хорошо знал её супруга.

— Игорь, иди сюда! — Люда махнула рукой.

Игорь вышел за калитку. Люда была с подругой. Я представлял, кто это. В отличие от Люды, которой было лет тридцать пять, и у которой на лице уже проявлялись следы алкоголизма, Вике было лет под тридцать, и она выглядела хорошо. Но иногда, когда её муж уезжал, она тоже пускалась во все тяжкие. Игорь вернулся.

— Короче, эта Вика хочет с тобой познакомиться! Давно хочет! Типа нравишься ты ей! У неё муж уехал, она нас в гости зовёт, бухло есть! — передал Игорь суть переговоров.

— Давай, братан, надо пострадать за общее! — начал шутить свои тюремные прибаутки блатной уголовник.

Предложение было заманчивым. Прижатый обстоятельствами, я, конечно же, согласился. Мы пошли домой к Вике. Она жила в типичной для той деревни трёхкомнатной квартире кирпичного дома на двух хозяев. Жила с достатком. Для нашего знакомства была куплена водка. Это было редкостью и признаком наличия денег в те годы, после дефолта, в деревнях подобного типа.

Вика была сельской нимфоманкой. А я был свежей кровью на фоне спивающихся и инфантильных колхозников.

— Понимаешь, муж уехал! Три дня! А меня уже сексуальные сны мучают! Понимаешь? Ты вообще, как, можешь? — волновалась Вика, наливая очередную рюмку.

— Вика, давай пока не дойдем до этой линии, — я показал отлив утолщения стекла в нижней части бутылки, — о сексе говорить не будем? Все в порядке, не переживай!

Но Вика очень переживала. И сильно хотела трахаться. Зубы у неё точно сводило. Мне было смешно, как она постоянно переводила разговор к теме того, что мы пьём не просто так, а ей хочется мужика. Мы уже все смеялись над создавшейся ситуацией. Алкоголь разошёлся по телу, мышцы расслабились, абстинентные симптомы отпустили. Эйфория сделала мир ярче, как будто в освещение добавили красного. За окном стемнело.

— Пошли! — я встал из-за стола, сыграв небольшой псих, и протянул Вике руку.

— Пошли! Всё! Я уже не могу! — неоднозначно сказал я.

Вика немного растерялась, выпучив глаза. Игорь и Люда засмеялись.

— Сейчас, подожди! — она встала из-за стола и вышла из кухни. Я выглянул вслед за ней в коридор. Она зашла в смежную с туалетом ванную комнату.

Вика была крупной, рослой девкой с фигурой и длинными рыжими волосами, собранными в косу. Такая кровь со сгущённым молоком. У неё был большой вес, большая задница, большие бедра и большая, торчащая грудь. Это была дама на любителя. А любителей таких форм среди молодежи тех лет было немного.

— Братан, кто-то должен страдать за общее! Я бы сам, но она выбрала тебя! — смеясь, подбодрил меня «смотрящий за всем» Игорь, хлопая по плечу. Вес Вики в его представлениях считался отягощающим обстоятельством в преступлении против мужского либидо. Но не в моём случае. Я хотел её трахнуть, хоть и делал вид, что преодолеваю отвращение.

Мы были уже прилично пьяны. Разговор за столом о сексе создал развратную атмосферу, и было понятно, что Игорь сейчас будет ебать Люду. Меня устраивал такой расклад. Но я подыграл, изображая на лице героизм преодоления морального рубежа во имя общей идеи набухаться на халяву.

Мы уединились в дальней комнате. Было очень темно, лишь лучи фонаря с улицы через окно немного освещали сектор комнаты на полу. Туда Вика, не включая свет, быстро расстелила какие-то одеяла и простыни и легла на спину, задрала домашнее платье до пояса и раздвинула согнутые в коленях ноги. Я скинул штаны с трусами, оставшись в майке, и лёг на её большое и тёплое, как моё детство, тело.

В детстве с пацанами мы ходили на городское водохранилище, на противоположную пляжу сторону, на скалы, под которыми практически не было линии горизонтального берега, за исключением нескольких каменных выступов в уровень воды, да небольших галечных пятаков два на три метра. Дно резко и круто уходило вниз, так что нырять рыбкой можно было прямо с суши. Пробирались до своего уютного пляжика на скалах по известной немногим тропе.

Мы часто купались без трусов, чтобы возвращаться сухими, и дурачились, тряся детскими причиндалами перед людьми на другом берегу, которые, конечно же, ничего не видели на таком большом расстоянии. Купались в воде до посинения губ, затем, выползая на берег, ложились на горячие плиты скал, прижимались животом к прогретым поверхностям, кто вытягивая руки по швам, кто прижимая к груди, закрывали глаза и успокаивали трясущиеся после холодной воды тела и клацающие зубы.

Вика закинула ноги мне на задницу, сжимая тёплыми ляхами мои бёдра, и увесисто задвигала тазом, обняв руками. На секунду я понял, почему мы на полу. Десять пудов наших слившихся в страстном волнении тел не выдержала бы ни одна кровать в доме.

Я посмотрел в окно. Мне казалось, что кто-то меняет напряжение самодельным реостатом из двух гвоздей и банки с соленой водой, сделанным для регулировки скорости самопальной машинки для татуировок. В ушах шумело, а в глазах то темнело, то прояснялось. Только сейчас я заметил, что Вика лежит с распущенными волосами. Они волнистым ореолом раскинулись вокруг её головы на подушке. Я поплыл.

*Мурчал, блатовал, по чёрным понятиям (жаргон.) — жить по неписанным тюремным законам, часто идеализированным и искажённым.

*Отрицалы — (жаргон.) лица, отрицающие общепринятые нормы исправительно-трудовой колонии, противопоставляющие себя администрации, власти.

«Люстра»

Недорогие женские трусы висели на люстре под потолком. На кухне смеялись. Люда сидела за столом на табуретке, закинув ногу на ногу, без трусов, в длинной майке, которая собралась у живота так, что было видно чёрный волосатый бугорок лобка. В её смехе, некогда озорном сигнале последнего школьного звонка, проглядывал скрип навесов сарая и звон оцинкованного ведра утренней дойки. Руки с тонкими пальцами обвивали вздутые вены. Пьяные глаза блестели. Она курила.

— Бля, что сейчас? Утро, вечер? — шурясь от света и тяжело дыша носом, зашёл я на кухню. Налил себе рюмку самогона, стоявшего на столе, выпил и запил с ладони водой из крана.

— Ночер! — очаровательным колхозным юмором пошутила Люда.

Меня чуть не стошнило. Я немного походил по кухне, успокоил позыв и присел за стол.

— Блять! — с выдохом и негодованием произнес я. — Сколько мы уже здесь? День, два?

— Братан, крепись, благое дело делаешь! За общее страдаешь! — продолжал давить свою блатную педаль Игорь.

— Сука, как так? Что сейчас?! Сколько времени?! — изображал я возмущение. Хотя реально потерялся во времени и не помнил, сколько дней мы уже в этом доме.

— Какая тебе разница! — закатываясь от смеха, Люда налила в рюмки. — Вииикаааа!

— Братан, мы запомним тебя как героя! — Игорь подал мне стопку.

— Запомните меня улыбающимся! — сделал я искусственную улыбку, ударил стеклом стопки о стопку Игоря, и мы выпили.

Меня отпустило. Я продолжал обыгрывать внутреннее сопротивление происходящей действительности. Строил на этом свою юмористическую линию, досаливая гримасами, чтобы поддержать угар нашей утопической кампании.

Конечно же, меня все устраивало. Я давно перестал быть добропорядочным гражданином общества. И похороненный обществом, я перестал реагировать на его мнение. Поэтому меня не парило, в каком бедламе сверкали юности моей чистые глаза. Я не хватался за время и спокойно наблюдал, как уходит оно неведомо куда, забирая с собой все мыслимое и бессмысленное, сгорая в мгновении, превращаясь в пепел воспоминаний.

— Люда, что за херня?! Что за трусы на люстре?! — на кухню зашла Вика. — Бааа! — поняла она.

Люда, продолжая смеяться, заёрзала ягодицами на стуле и оттянула майку пониже. Сама Вика стояла в дверном проёме в махровом халате, запахнутом ниже солнечного сплетения, с оголенными плечами и грудью, прикрытой лишь по ареолы, выставив напоказ свою здоровенную ляжку почти до паха. При этом её лицо было серьёзным и возмущённым, как будто в библиотеке ей не разрешили взять книгу на дом. Абсурд ситуации рассмешил меня.

— Бляяя! — на секунду прикрыв глаза ладонью, я взял огонь на себя. — Вика, не ругайся! Всё нормально! — мило улыбнулся, подмигнул. — Давай выпьем!

Такого небольшого внимания в её сторону было достаточно, чтобы смягчить обстановку. Козыри были в моих руках. Распущенные волосы и вмятинки на переносице от очков делали её интересной, возможно, потому что такой я раньше не видел. С одной стороны, меня настораживала атмосфера излишней близости. С другой — чад разврата был привычен и желан.

Мы допили, что стояло на столе, и Вика, накинув плащ и галоши, сбежала и взяла ещё. Она уже никуда не торопилась, а я вошёл во вкус. За окном шумела гроза, избавившая нас от любопытных глаз с улицы, и мы спокойно перемещались по комнатам. Я, как обычно при любых проявлениях стихии, испытал прилив сил, задора и азарта. Похоже, как и вся наша компания. Трусы опять закинули на люстру.

Волнистые пряди золотистых волос Вики, растрёпанные на моём животе, мучительно дразнили лёгкими прикосновениями. Подобно как тогда, пацанами на скалах на водохранилище, мы незаметно подкрадывались друг к другу и травинкой щекотали живот или подмышки тому, кто, закрыв глаза, вытягивался на спине под лучами яркого солнца.

Вспоминая то золотое время, когда, как мне казалось, ещё ничего не было безвозвратно сломано и потеряно, ни во мне, ни в стране, когда на фоне томительного предвкушения грандиозных и ярких свершений впереди, предчувствия чего-то нового, в сознании всегда присутствовал ангел печали, необъяснимой грусти, воспетой в различном творчестве. Откуда бралась эта душевная горечь, переживание утраты на волне пьянящей радости надежд и ожиданий? Очевидно, ответ в вопросе. Это неразрывные состояния одного процесса, точкой соприкосновения которых являемся — Мы.

Тогда мы жили в г-образной многоэтажке нового города. Беззаботно. И тот отрезок времени казался одним сплошным летним вечером, в котором я стоял на лоджии своей комнаты и смотрел в окна второй половины дома, стоящей перпендикулярно. Квартиры этажами ниже хорошо просматривались, и моё внимание захватывали женщины. Я ловил моменты их жизни. Часто наблюдал женщин в ночных сорочках, белье, иногда интимном.

Это было подобно игре. Типа зачёркивание чисел в календаре или заполнение дневника погоды. Я знал, кого, в какое время, в каких окнах можно ожидать.

Волосы Вики покрывали мой живот, скрывая её лицо. Упёршись локтями в пол и стоя на коленях, она расположилась перпендикулярно мне. Белый, льняной сарафан на бретельках, сменивший халат после посещения ванной комнаты, ещё глубже погружал меня в атмосферу русской деревни. Её открытые плечи и лопатки были усыпаны веснушками. Я задрал сарафан, оголив мощный круп, и принялся кончиком пальца изображать загадочные славянские знаки на её монументальной заднице, за которой стоящий у стены телевизор транслировал гремевший тогда на всю страну сериал про улицу с разбитыми фонарями. Сосредоточившись на рисовании невидимых рун на её тугом бедре, я слышал лишь звук.

— В моём гинекологическом дереве нет великих писателей, однако вот — смотрите, сочинять могу, — произнес Казанова.

— В каком дереве? — спросил капитан милиции Ларин.

Это была лучшая серия, что я видел.

«Пожар»

Дым наполнял воздух. Недалеко, на другом берегу реки, горели леса, добавляя меланхоличные нотки в ароматы вечерней деревни. Мы с Кочегаром часто к полуночи встречались на лавке у калитки его дома, брали пол-литра самогона и коротали ночь в ненавязчивых беседах. Лавка удачно располагалась в неосвещённом секторе, под фонарным столбом, который, ослепляя прохожих, прятал нас в уютной темноте.

Оставаясь незамеченными, мы ощущали себя наблюдателями этого мира, не желая быть причастными к нему, к обывателям, к материальному аспекту и положению в обществе. Ведь это был единственно возможный для нас на тот момент способ уберечь психику от осознания неспособности жить общепринятой жизнью, со всеми её бытовыми радостями и житейскими тревогами.

Каждую ночь мы находили темы для разговоров. Без негатива. Не искали в человечестве изъян, не скатывались в обвинения, не перемывали кости общества. Общих знакомых, кроме Космонавта, у нас не было. Мы были из разных времён и говорили каждый о своём. Но так как оба вышли из подвалов и подворотен, то говорили на одном языке.

Достаточно было Искры Слова, и Огонь Мысли начинал Пожаром лететь через Лес Ума, материализуясь в пепел и превращаясь в прошлое, Мысль вновь возвращалась в Слова, поставленные в нужном порядке. Иногда Мысль была подобна лучу света, преломленному над языками пламени, рефракцией, которая, как некий Фантом, на границе двух сред, изменяла очертания вещей. В эти моменты случались Творения. В эти моменты совершались открытия, писались хиты и находились нужные слова на допросах в милиции и в подъезде с телочкой.

А ещё мне казалось, что иногда Фантом неуловим. Мысль существовала только мгновению в настоящем, в преломленных лучах. И исчезала в той форме после попытки выложить Слова в нужном порядке. ЭТО казалось Божественным Откровением, Вселенской Тайной, Ключом от всех Замков. Но уловить ЭТО не удавалось никому. Лишь намеком о существовании мелькало ЭТО в умах мыслителей, характеризуясь вектором направления и знаком полярности.

Во второй половине дома Кочегара, где жил Космонавт с мамой, послышался звук открывшейся двери и скрип крыльца. Тишину деревенской ночи пронзил соловей.

— Космонавт? — тихо, чтобы не спугнуть соловья, спросил я Кочегара.

— Ага! После перелома шеи он совсем плох стал. В том году он не свистел.

— Пойдём, посмотрим!

— Вот что у человека в голове?

— Что-что? — начал предполагать я. — То же что и у всех. Так же как и все, он просыпается среди ночи от толчка чего-то внутри, в угнетенно-тревожном состоянии со странным вопросом в голове: «А так ли я живу? То ли я делаю в жизни? К тем ли целям стремлюсь?»

Стараясь сохранять тишину, мы зашли во двор, незамеченными пересекли его в сторону стаек, к смежному с соседским двором сараю, откуда можно было наблюдать крыльцо, где предположительно сейчас должен находиться Космонавт.

— Ты думаешь, женился — счастлив? — продолжал я шёпотом озвучивать предположения. — Думаешь, машину купил — успех? Думаешь, юбилей у тебя, чайник подарили — жизнь удалась? В ресторане с вилок ешь и воду из бокалов пьёшь — соловьи на душе поют?

Практически на цыпочках у сарая, мы подошли к забору, разделяющему участки Космонавта и Кочегара, к которому, обращаясь уже практически шепотом и глядя в лицо, я договорил последние слова: — Соловьи, значит, у вас на душе, жизнь удалась? Сейчас я вам покажу, как соловьи поют, сраные человечиски! — и обомлел.

На крыльце, в камуфляжной кепке-афганке с клапанами для ушей, застёгнутыми на затылке, стоял абсолютно голый Космонавт, с волосатой грудью и бритыми яйцами, и насвистывал, в деревянную, наполняемую водой, свистульку — соловьём.

Ещё не вышедшее из-за горизонта солнце уже достаточно освещало пространство отражёнными в атмосфере лучами и ознаменовало порядок в природе. Начался рассвет.

«Люда»

Мы с Людой делали вид, что не видели друг друга в трусах и без трусов. Но иногда она приглашала меня в сарай накатить по паре рюмок самогона. Её мохнатый сарай не интересовал меня, и мы никогда не увлекались вдвоём. Бахали по сотке и разбегались по делам. Только в компаниях позволяли себе безудержно и откровенно общаться. Хотя, возможно, я что-то не понимал, и стоило попробовать.

— Артём! — со двора, коротко и приглушённо окликнула меня Люда и махнула головой в сторону стайки, указав взглядом зайти с огорода, а не через двор в калитку у крыльца, чтобы дети не видели.

Я прошёл через огороды. Аккуратно, чтоб не провалиться, пробрался через кучу коровьего дерьма с соломой и перепрыгнул через забор в загон для скота. Загон находился под одной крышей со стайками и сараем. Загребели оцинкованные ведра. Через пару минут в нашей тайной забегаловке появилась Люда в болоньевой куртке, надетой на домашнюю майку.

Как на стойку бара, она выставила на лагу забора рюмки и бутылку. Налила лекарство от грусти, и мы выпили не чокаясь, без тоста. Достала из кармана куртки огурцы, предварительно сорванные на грядке. Один протянула мне, второй с хрустом откусила сама.

— Тём, там у меня подружка сидит. У неё муж на заработках. Давно. Познакомиться не хочешь? — облокотившись на стойку нашего бара и скрестив ноги, упираясь одним носком галоши во влажный, пропитанный скотным дерьмом пол, Люда смотрела в даль огорода, где цвёл картофель, за которым горячий ветер играл зеленью берёзовой рощи, в то время как алкоголь в крови сглаживал зазубрины сознания.

Я тоже облокотился и погрузился в беззаботную негу прохладного, сырого пространства, за которым уже всюю господствовал летний полдень. Шифер крыши, так называемый навес загона открытой стайки и просвет над горой коровьего дерьма с соломой, за символическим забором из лаг и кривых досок, создавали подобие амбразуры дерево-земляной огневой точки «дзот», сквозь которую мы наблюдали за наступлением и осадой нашего застоявшегося в прохладных отношениях сознания, в разгар этого жаркого летнего дня, располагающего к свободным одеждам и ветреным мыслям.

— А кто такая? Как звать?

— Жанна! Её мужик — брат моего! На вахту вместе уехали! Они недавно здесь дом купили!

Я поиграл бровями, выждал паузу размышления и, конечно же, согласился.

— Почему бы и нет? Давай замутим!

— Ну, давай, я сейчас закончу дела, во двор её вытяну, и ты подходи к забору, типа случайно! — предложила хитрый план Люда. Налила по второй, мы бахнули, и я ушёл огородами.

Думаю, нет смысла озвучивать мотивы, по которым она знакомила меня с женщинами, выпивала со мной и ограничивалась заходить дальше. Все они имеют место быть. Несмотря на старые трико с вытянутыми коленями, она тоже живой человек со своим внутренним миром и переживаниями. А в майке и без трусов так вообще ничего такая.

Я подошёл к калитке во двор соседей.

— Девчонки, привет!

— Артём, привет, заходи, не бойся! — крикнула Люда озорным голосом, засверкав глазами, предвосхищающими веселье.

— Прошу сегодня называть меня Ромео! Просто Ромео! — думая, что это искромётный юмор, уже хорошенький, распоясался я.

«Ромео и Джульетта»

Раннее возлияние раздробило мой суточный распорядок, если таковой и существовал в моей жизни, на непривычно другие отрезки. Утренний опохмел и две рюмки с Людой уже подворачивали мои колени.

Жанну звали Жанетта. Она идентифицировала себя как азербайджанку. Познакомившись с Жанной во дворе Люды, мы сразу пошли к ней домой. Помню взгляды бабок на лавках и за заборами вдоль улицы, которые следили за моими похождениями, как за сериалом. Помню водку в ларьке. И мне было тяжело найти с Жанной общий язык. Она излишне концентрировала общение на своей национальной гордости, не терпящей неуважительного отношения. Словно кто-то хотел её унижить. Часто так ведут себя неуверенные в себе юноши, попадающие в незнакомое общество. Они боятся быть излишне учтивыми и радушными. Боятся совершить что-то безвозмездное и доброе, поступок от чистого сердца, что может быть расценено как прислуживание, как слабость. Меня это сместило, но я не подавал вида. Подобное поведение не к лицу девушкам, женщинам. И к тому же ставило в неловкое положение меня. Отчего мне было некомфортно. Такая глупая мнительность, пусть неосознанно, но звучит как ультиматум. Как требование вернуться в определённые рамки, из которых, по сути, я не выходил. Если бы подобное поведение следовало от представителя мужского рода, я бы разговаривал по-другому. И разговор вряд ли бы звучал в дружественном тоне. Но эту незрелую, быдло-чушь несла женщина. И мне оставалось лишь улыбаться и кивать головой. Ведь я хотел её выебать.

От этого настроения мне стало скучно. Я уже не кивал, а клевал головой. Моё сознание периодически отлетало от всхлипывания занавесок на открытом окне в сторону стены и от удара, в которую возвращалось назад. Люда тоже скучала, а Жанна продолжала рассказывать о том, что она не такая, что «ждёт трамвая», что у неё был «Мерседес» и что в деревне она случайно и ненадолго. Я налил водки, поднял в воздух тост «за любовь». Комната вихрем закружилась вокруг меня, и затянула в воронку антиматерии.

Голубой свет уличной ДРЛ-лампы озарил тёмную синеву комнаты через четырехстворчатое окно. Словно включился «виндовс» и по клавишам ударили «тум-дум». Я вынырнул из небытия и оказался на белых простынях, в красивой кровати с коваными спинками, распластавшись на спине и раскинув руки, подобно морской звезде, выброшенной на берег. Жанна присела на корточки и с трудом вставила мой член в свою тугую вагину. Яркой вспышкой сознания вернулась ко мне способность запоминать происходящее с этого момента.

Жанна, в одном бюстгальтере, не вставая на колени, оставаясь на корточках, как настоящая, несломленная и гордая пацанка с подворотни, одной рукой упираясь в мою грудь, а другой за ягодицу раздвигая свою промежность, неистово прыгала на моём члене. Со временем она стала мягче. Я смахнул её с себя, сорвал бюстгальтер, забрался сверху и отдолбил, как фарш для люля-кебаб, с характерным звуком.

Грудь у неё была, возможно, двойка, и уже на двоечку. Не соизволив сходить вымыться, важная быдло-дама уснула с моей семенной жидкостью во влагище. Я немного повалился, а когда рассвет показал мне, что жопы у Жанетты нет даже на двоечку, аккуратно собрался и ушёл.

Было около пяти часов утра, и солнце уже тепло и ярко поднималось над деревней. Уже выгоняли коров в стадо, сопровождаемое колхозными пастухами на пастбище. Секс с Жанной не был каким-то фееричным, но я преисполнился романтическим настроением. Проходя мимо администрации, глядя на ряды акации и клумбу с цветами, название которых я не знал, ко мне пришла молниеносная идея — собрать букет. Возможно, это были пионы, гладиолусы, хризантемы, ромашки, васильки.

Я нарвал огромный букет из всех видов цветов, которые росли на ухоженной клумбе. Вернулся к дому Жанны, залез в окно, положил букет на кровать рядом с ней спящей и так же через окно ушёл. После этого рыцарского поступка её дом всегда был открыт для меня. Гопнический тон исчез из нашего общения, и она не боялась делать мне приятное.

Председатель и сотрудники администрации, пришедшие на работу, сразу обнаружили акт вандализма. Но никто из местных, возможно, ставших невольными свидетелями цветочной кражи, не сдал меня.

«1/3 жизни»

— Смотри! Жизнь состоит из суток. Двадцать четыре часа, каждый день! Восемь часов ты спишь. Восемь часов горбатишься на работе не в себя. И восемь часов разгребаешь падающие на тебя проблемы!

Возлегая на боку, на траве, в небольшой берёзовой роще, в пятидесяти метрах от крайних домов деревни, Мотик Вован, размышляя, ковырялся травинкой в зубах и подготавливал почву для очередного манёвра. Рядом лежала расстеленная газетка с нехитрой снедью и бутылкой самогона.

— А футбол? — недоумевающе спросил румяный и бухой зоотехник Бондарь, отвесив веки на обрюзгшем лице.

— Хорошо, два часа ты смотришь футбол! И это время футбола, а не твое! Восемь часов ты спишь, видишь сны — и это тоже жизнь! Причем самая кайфовая жизнь! Во сне ты делаешь что хочешь, где хочешь и с кем хочешь!

— Ну, не всё, что хочу! — медленно двигая массивной челюстью, Бондарь нарезал несколько ломтиков сала без прослойки.

— Но то, что хочет твой мозг! — возможно не осознавая, насколько глубоко смотрел, Мотик Вова продолжал свой развод.

«Жадная скотина», — отметил я мысленно, когда он развернул газету с белым куском сала в кристаллах соли. «Неужели у зоотехника нет сала с прослоечкой мяса?» — думал я, разливая по рюмкам самогон из пластиковой полторашки, который мы получили за разгрузку машины дров. Я, Мотик Вован и Димон подпрыгнули раскидать их во дворе зоотехника.

— Как будто ты на работе делаешь что хочешь или после! Единственное, что люди делают наяву от души и не делают во сне, — так это выебываются должностью, одеждой и покупкой очередного барахла! Все остальное во сне круче! Третью жизни ты находишься в самом удивительном состоянии, в крутом мире сна, и люди даже не думают это ценить! — Вован начинал нагружать собеседника. В профиль сейчас он был похож не на своего брата-близнеца с олигофреническими чертами лица, а на Мишеля Фуко.

Я наблюдал за его мыслью, а сам думал: «Прочитал он эти слова, когда закручивал очередной косячок, в обрывок страницы из книги с помойки, или выдумал, нюхая бензин?»

— Я не понял, это ты к чему? — напрягся зоотехник, тряхнув своим сальтисоном, не понимая, наезжают сейчас на него или обсирают.

— Дядя Вова! — сменил тон, перейдя на детское обращение, Мотик Вован. — Да я шучу! Есть бензина пол-литра? Мне доски в разобранной стайке дома подпилить надо. — Так же быстро сменив тему.

Бондарь открыл рот, пытаясь понять, куда ушла нить разговора. Но Вован не дал ему опомниться, практически подхватив под руку.

— Пойдём, нальёшь! стакан всего нужно бензина! Мне доски распилить в разобранной стайке! Не жмись, дядя Вова! — Поднимаясь, Мотик потянул зоотехника под локоть.

Зоотехник даже не успел понять, как его развели на пол-литра бензина. Они ушли в закрома.

Мы ухахатывались с Димоном, лёжа на траве. Жизнь была прекрасна. Низкое солнце заката штрих-кодом пробивалось сквозь стволы берёзовой рощи. Почти ещё литр самогона стоял на газетке с салом и зелёным луком, и, какие-то молодые тёлки, которых знал Димон, наклёвывались на «подергушку».

«Upstroke»

Мои пальцы отставали от Вадиных, хотя я ходил в музыкальную школу и делал гимнастику на пластичность. Он играл рифы четче и быстрее. Я же извлекал грязь и шум. Хотя нам обоим было ещё далеко до понимания гитарных техник.

Спустя годы я осознаю: то, что я слушаю и люблю сейчас, — мы хотели играть тогда.

Вадя мало чем выделялся для несведущих. Скромный, не особо уверенный в себе парень, не с достатком в семье, с холодной жареной картошкой в сковородке на кухне, оставленной ушедшими на работу родителями, которой он делился со мной после школы, в том детстве, которое мы проводили у него дома, в мире музыки.

Но он имел особый талант. Невидимый окружающим. Дающий ему мощную силу быть целостным. Чтобы не метаться и не сомневаться. Двигаться вперёд, к своему призванию, несмотря на смену флагов вокруг. Чёрное знамя его стиля было видно видящим. Поэтому человек стал крутым, востребованным музыкантом.

Я прошёл тесты на слух в музыкальной школе, но не умел подбирать гитарные партии. Вадя снял композицию «One» Metallica и показал мне, как её играть. Я не особо любил переборы и арпеджо. Моё любимое место начиналось в середине четвёртой минуты, когда ритм-гитарист, прижимая ребром ладони струны*, начинал бешено долбить по первой открытой переменным штрихом. Вот это было моё. Рубить по открытым струнам с палм мьютом* — это всё, что я хотел от игры на гитаре.

Вынесенную со школы барабанную установку мы собрали у меня дома. Большой, малый барабаны, «хэт» и железо — всё было. Тома смастерили сами из пионерских барабанов. Но для игры Sepultura нам нужна была вторая бочка. Мы нашли вторую педаль и поставили её к кофре-чемодану для баяна, на классе которого я недолго учился. Это был звук, которому мог бы завидовать Дейв Ломбардо из Slayer на записи альбома «Reign in Blood», когда топот его бочек разгонял нам сердца до двухсот десяти ударов в минуту.

«Я бежал, не оглядываясь. Мне казалось, кто-то совсем рядом за спиной сейчас пнёт меня по ноге, сделав подсечку, как мы делали это в детстве, и я упаду.

Справа вылетела шестая модель «Жигулей» чёрного цвета, с сатанинским числом на номере, известная в городе как автомобиль уголовного розыска. Машина ударила меня в бедро ребром капота. По инерции я перелетел, кувыркнувшись через крыло кузова, и приземлился боком на асфальт. Кто-то тут же пнул меня в поясницу и упёрся коленом меж лопаток.

Время не меняло скорость течения в этом сюжете, но произошедшее было плохо осознваемо. Я начал контролировать его ход, когда меня подняли на ноги с застёгнутыми в наручники руками и затолкали в машину. Ехали молча.

В отделении милиции меня сразу подняли в кабинет дознавателей на второй этаж. Там, тоже в наручниках, сидел Чапай. Меня посадили рядом.

В кабинет зашёл крепкий, темноволосый, как нам потом станет известно, оперуполномоченный Аскеров, открыл сейф и достал из него дуствольное ружьё. Подошёл к Чапаю, приставил стволы к его носу и спросил: — Чапалин?

Чапай еле заметно кивнул.

— Ну, загибайся раком! — опустил ружьё опер и пошёл из кабинета. — Ко мне его!

Я остался в кабинете.

— Знакомое лицо! — начал допрос Мартынчук.

Били меня в боксёрских перчатках. Это не было невыносимо. Но пугала неясность, насколько далеко эти средства дознания могут зайти и как долго придётся здесь находиться. Меня не пугала тюрьма, но я не видел в ней ничего интересного и не хотел терять в ней годы жизни.

— Сейчас мы спустим с тебя штаны, поставим раком у стола и сделаем пару фото с членом какого-нибудь бомжа из «суточников» у твоей жопы — и отправим с тобой на тюрьму! А ещё вдобавок я сейчас нассу в банку и оболью тебя и кину в КПЗ! Через сутки ты начнёшь вонять, и тебя опустят твои же дружки раньше, чем мы закинем в камеру фотографии! Ты понимаешь, что тебя ждёт?

Я понимал и рассчитывал расстояние до стола, и время, за которое успею выхватить ножницы из канцелярской подставки, чтобы полосонуть себе живот или ногу.

Больше всего я боялся длительного отсутствия возможности помыться. Вонь камеры, абстинентного пота и ночных выделений в трусах постепенно пропитывала моё тело, создавала флюиды бомжатника вокруг меня.

Дни с допросами пролетали быстро. Но моменты молчания в ожидании новых вопросов в кабинете дознавателя казались невыносимо затягивающимися. Ночи казались долгими. Но к утру ускорялись, что я не успевал закончить бегущие в голове мысли и поспать».

«Сентябрь был тёплым. После школы мы ещё подолгу гуляли по улице в школьной форме. Вадя расстегнул пиджак, откинул полы, укрыв меня у телефонного аппарата под металлическим козырьком, а сам взял трубку рукой со спущенным на кисть рукавом, поднёс к уху и по системе Станиславского изобразил разговор. Я вставил в замочную скважину дверцы таксофона, где должны были находиться монеты, две заколки-невидимки, гору которых мы с Вадей стащили у наших мам из шкатулок. Начал ковырять и крутить ими во всех направлениях.

Наконец-то я что-то зацепил. Интуитивно добавил ещё заколку другого размера. Начал вращать против часовой стрелки. Замок сдвинулся. Дверца открылась».

Я часто задавался вопросом, что подразумевает под собой понятие «друг». Я ответил себе на этот вопрос. Друзья для меня — это люди, с которыми, помимо тёплых отношений, нас связывают общие истории. Трогательные и трепетные. Смешные и не очень. Опасные и бесшабашные. Поэтому друзей может быть много на разных отрезках жизни. И каждый из них по-своему дорог.

«Дверца открылась. За ней оказалась ещё одна дверь самого ящика с монетами. Мы переглянулись с Вадей. Наши сердца колотились, как бочки Дейва Ломбардо. Казалось, время застыло, а сами мы стоим у этого таксофона уже полжизни. И все люди планеты смотрят на нас, словно мы на сцене и забыли ноты.

Вадя молча повернулся другим боком, всё так же оттопыривая полы школьного пиджака, и перекинул трубку к другому уху. Я понял и начал ковырять булавками замочную скважину монетницы.

Прошло ещё полжизни. Дейв Ломбардо закончил свою самую быструю и длинную дробь барабанных бочек. Я уже не чувствовал сердца. Руки тряслись. Испарина на носу говорила о том, что я начинал психовать. Это проявилось в неконтролируемом движении моей правой руки, держащей булавку двумя пальцами, словно медиатор, которым я дёргал струну снизу, извлекая самый безобразный, дребезжащий звук.

В булавке вновь почувствовалось напряжение зацепившегося за секрет металла. Дверца открылась. «Angel of death» коротко провизжал Том Арайя.

Монеты посыпались в наши ладоши. Мы всё захлопнули обратно и пошли прочь быстрым шагом, расплываясь в улыбках навстречу низко лежащему осеннему солнцу, едва не срываясь на бег.

Зайдя в другой квартал, преисполненные эмоциями и непогашенным напряжением, мы пустились бегом. Это уже было лишним, но нам нужно было дожечь адреналин.

Дома у Вади мы пересчитали небольшую кучку копеек, двушек и нескольких десятичков, добавили давно откладываемые в копилки деньги и купили советский квакер. Тяжёлая педаль с корпусом из оцинкованного железа, с двумя ручками громкости и тембра, издавала механический скрип громче собственного эффекта. И это было первое «Вау» в нашей жизни».

* Palm muting — техника игры на гитаре, выполняемая путём касания ребра ладони струн вблизи струнодержателя, тем самым создавая приглушённое звучание.

*Квакер — (сленг) гитарный эффект, distortion/overdrive, педаль для создания этого эффекта.

«Руки-крюки»

« — Артём! Артём, вставай, пошли домой! — толкала меня в плечо Юля. — Ты бухой! Ты что такой бухой?! — более утвердительно, чем вопросительно, тараторила она. Сама прилично бухая.

Мертвецки пьяный, с вертолётными в голове и желанием покоя, в остеклённой веранде, пристроенной к дому, я лежал на диване, лицом к спинке, на правом боку, слева от девушки, вытянув вперёд правую руку и положив на неё голову, словно горизонтально летящий Супермен с выставленным вперёд кулаком.

Юля сидела у моей головы и толкала в плечо. Но противостоять напористой девушке не было сил. Полу «мэ», полу «у» мычал я на её приставания.

Юля была фигуристая, ладная девка. В принципе, красива лицом. Я засунул руку между её ног и откинул голову, заглянув в глаза. Она замерла и замолчала.

Беспрепятственно, вдоль ляхи, я запустил пальцы в её трусы. Юля повернулась ко мне, раздвинула ноги, согнув и закинув правую на диван, расположившись лицом ко мне, чтобы было удобно.

Моя кисть до запястья залезла в её трусы. А средний палец — в мокрую щель. Она была чересчур влажной. В ней хлюпало, как в ведре.

Я закрыл глаза. И вот уже два пальца вошли в неё полностью и двигались легко и быстро, не встречая сопротивления. Ребро ладони упиралось в пах. Большой палец лежал в районе клитора, а средний и указательный внутри, словно я взял лонное сочленение тремя пальцами.

Звук, слышимый нами обоими, напоминал мягкие щелчки пузырьков воздуха, взбиваемых и разбиваемых палкой в ведре с обойным клеем. Количество её выделений будоражило.

Я добавил безымянный и приоткрыл один глаз. Юля, замерев, продолжала смотреть на меня широко открытыми глазами. Открыв рот, она подалась вперёд на пальцы и, вздрагивая всем телом, с еле слышным звуком «а», в три выдоха опустошила лёгкие.

Мои пальцы остановились. Глаз закрылся. Темнота бешено закружилась. Я переборол центробежную силу, успокоился и растворился».

— Артём! Артём! — слышался издали приближающийся голос. — Падъём! Падъём!

Я открыл глаза и увидел тусклую лампу в нише бетонной плиты за неоднократно белёной и утолщённой от извести металлической решёткой.

Трусы после ночной поллюции, словно пропитанные крахмальным клейстером, прилипли к члену. Болел правый бок, отдаленный жёсткими и неудобными деревянными нарами. И плечо, на котором я спал, положив голову как на подушку.

— Подъём! — следом прозвучало металлическое трезвучье удара ключом по решётке, словно сатанинский медиатор рубанул в адские струны. Клацнул замок. Дверь со скрипом открылась.

— Парашу на вынос! — спокойно, но уверенно сказал мент.

Мои мысли взяли паузу. Мгновение показалось минутой. Бомжеватого вида сосед поднялся с нар, взял в углу серый оцинкованный бак, зачуханный до тёмно-зелёного цвета, и вышел из камеры.

— Командир, можно в туалет нормально! — обратился я к менту, взглянув вслед бомжу. Милиционер молча кивнул головой в сторону.

В камерах слышались голоса. Характер оживлённых диспутов говорил о содержании в них более двух человек.

Я прошёл до конца крыла и зашёл в туалет. Бомжара слил бачок в клозетную чашу на бетонном постаменте. Я подождал, пока он уйдет. Поссал. Затем, прислушиваясь к коридору,

поливая водой с ладони, протер влажными руками член и обкончанные трусы, насколько это было возможно. Ополоснул руки и лицо. Стало свежее.

Вернулся в камеру, снял обувь и залез на нары. Нары выглядели как ступень высотой в полметра и площадью в половину камеры. Из щелей между криво сколоченных досок, частично законопаченных тряпками, сквозило холодом. Стены с остро накиданной штукатуркой-шубой тоже были холодными.

Я расстегнул ветровку. Лёг в неё, как в спальный мешок, и запахнул, скрестив руки на груди.

— Так за что тебя сюда? — обратился ко мне сокамерник.

— Ни за что!

— Да всех нас ни за что. А все-таки? Украл что? Что мусора на тебя вешают? — пристал ко мне подсадной бомж-наседка.

«Смеркалось. Мужчина лет за сорок лежал на асфальте, лицом вниз, недалеко от пивного бара. Коротко стриженный молодой человек с тёмными волосами в синей ветровке с капюшоном фирмы Адидас, с тремя полосками на рукавах, в спортивных штанах синего цвета и чёрных ботинках подошёл к мужчине, присел на корточки и, убедившись, что он дышит, толкнул в плечо: — Эй, дядь, проснись!

Мужчина не реагировал. Легко потряхивая и делая вид, что будит, молодой человек похлопал его по карманам. Залез во внутренний, вытащил содержимое и незаметно сунул себе под ветровку. Огляделся и ушёл.

В соседнем квартале, уединившись в укромном месте, осмотрел украденное. Достал мелочь из бумажника и убрал в свой карман. Открыл паспорт, посмотрел лист с пропиской и недолго подумав, пошёл по адресу, держа в руках ключи.

Квартира с железной дверью находилась на втором этаже. Позвонив в звонок костяшкой пальца, он прислушался. За дверью было тихо. Он позвонил ещё и ещё. Никто не открыл.

Молодой человек подошёл к окну, находящемуся между этажами. Осмотрел квартал. Вернулся к двери. Ещё раз позвонил и, прислушиваясь, присел у соседской двери на корточки. За дверью соседей тоже было тихо.

Спустившись к почтовым ящикам, он достал газету, оторвал два небольших пятачка, поднялся и, намочив слюной огрызки, заклеил глазки соседских дверей. Вновь спустился к окну и ещё минуту наблюдал за кварталом. Спустившись ещё и выглянув из подъезда, посмотрел вдоль дома. Затем быстро вернулся к квартире и открыл ключами дверь, натянув рукава на кисти, не прикасаясь к двери голыми пальцами.

Через пару минут из подъезда вышел коротко стриженный молодой человек с темными волосами в кожаной куртке, синих штанах и чёрных ботинках. С целлофановым пакетом в руках, в котором проглядывался видеомагнитофон. Не выходя на проезжую часть, быстро прошёл вдоль дома в сторону ближайшего угла и исчез».

— Я вообще не понимаю, о чём они говорят! То какого-то мужика ограбили, то квартиру обокрали. То не ограбили, то вытащили из кармана лопатник! Ты посмотри на меня. Я в жизни по карманам не лазил. У меня руки-крюки, пальцы под хер заточены! Какие лопатники? — я поднялся, не вставая с нар на пол. Накинул синюю ветровку с капюшоном на плечи, не вставляя руки в рукава с тремя полосками и начал показывать сокамернику свои кисти:

— Во, смотри, какие карманы? Руки деревянные, все отбитые, переломанные! — я подвигал выпирающие узлы на пястных костях указательного и среднего пальца.

— Такими руками только девкам писки драть! — добавил я и засмеялся. — Украл, ограбил, бля... Тетка какая-то на меня показала в видеокартотеке. Меня снимали три года назад. Нашли с чем сравнивать. Сегодня кричат, привезут её. Опознание будет. Походу, поеду я ни за что. Им-то пофиг, на кого повесить!

Лязгнул замок, и дверь открылась.

— Пачкин, выходи!

Я надел чёрные ботинки, ветровку и вышел из камеры. Сложил руки за спиной по странной, сформированной из фильмов модели поведения, хотя убирать руки за спину от меня не требовали. Мы поднялись из подвала, прошли по тёмному коридору, с одной стороны которого висели плакаты, а по другую стояли кресла с откидными сидениями, как в кинотеатре, и зашли в кабинет.

После долгих минут ожидания зашла женщина. Недолго посмотрев на меня, произнесла:

— Нет, это не он.

— Как не он? Вы же на него показали на видео! Он же крутился возле пивбара! Да это же подонок!

— Что вы давите на женщину! — вмешался я.

— Ты вообще заткнись! — крикнул в мою сторону дознаватель Мартынчук.

— Это не он! Могу я уйти? — спокойно спросила женщина.

Иногда кажется, что ты зажат в угол и, начиная додумывать следующие шаги, представляешь последующие события. Ищешь выходы и способы выживания. Ищешь слова и выдумываешь диалоги. Но потом оказывается, ты не учёл один маленький нюанс, ход, который в корне меняет последствия. И всё, что ты надумывал себе последние, тревожащие тебя несколько часов или дней — не произойдёт.

Меня отпустили. Мне крупно повезло. Не знаю, какими доводами руководствовалась женщина, что изменила показания. Но думаю, она сделала это сознательно. Чем уберегла меня от заключения.

Яркое солнце полудня завершающегося лета ударило в глаза, когда я вышел из городского отдела внутренних дел. Здание располагалось так, что выход из него смотрел на юг, и солнце всегда слепило выходящих после темноты камер и кабинетов.

— Не так ярко, братан! Я тебя понял! — принял я знак свыше.

Весь этот негатив не мешало бы засветить и начать с чистого листа.

«Таз мёда»

В центре комнаты стоял эмалированных таз мёда. Сидя на кровати, Димон со стеклянными глазами настраивал гитару. Вован перемешивал табак на листке бумаги. Славян дебилно улыбался.

— Угощайся! — предложил Димон, показывая на таз с мёдом.

Вован щёлкнул зажигалкой, прикурил короткую папироску и протянул мне. Я сделал затяжку. Мои веки сразу потяжелели. Димон посмотрел на меня оценивающим взглядом, выставив вперёд челюсть, изображая ироничную улыбку.

— Где мёд урвали? — поинтересовался я и передал папироску.

— У Бондаря!

— Нихуя он богатый! — пройдя круг, ко мне вернулся косячок.

— Да мы сами удивились, сколько добра у него в сарае! — подняв бровь, ответил Димон.

— Я так понимаю, он решил кинуть не тех ребят?

— Да, но мы будем все отрицать! — вступил в разговор Вован. И, добив пятку, замая гильзу в металлической пепельнице в форме лаптя.

Мотики обокрали зоотехника, не заплатившего им в полной мере за работу. С Мотиками лучше не шутить. Возьмут своё.

Я взял из таза кусочек мёда и разжевал сочную структуру. Язык защипало, а в горле запершило. Зубы при сжатии слегка слипались от воска.

— Ядрёный! Я чай как раз принёс! Попьём? — задал я риторический вопрос, достал из кармана бумажный свёрток с приличным количеством чая, рассчитанного на литр крепкого напитка, и протянул Славе.

— Давай, Славян, замути чая! — обратился Димон к брату.

— А что сразу я? — встрепенулся здоровенный, с круглой горбатой спиной Слава.

— Ты всё равно сидишь, ничего не делаешь! Славян, что ты начинаешь?

Старший и наименее разумный брат ушёл на кухню.

— Здорова, бандиты! — в проёме двери нарисовался Кочегар. — Вы чо, всё курите? Давайте лучше сэма*!

Кочегар прошёл в комнату, достал из-за пазухи и выставил на стол бутылку самогона, а из кармана — кусок сала, завернутый в газету.

— Хлеб то есть?! — обратился Кочегар к обществу, шурясь и ехидно улыбаясь той гримасой, из-за которой ему не раз по-пьяни били в лицо.

Димон из-за занавески с подоконника достал рюмки. Славян из кухни принес чай и растерянно посмотрел на происходящее. Происходящее в нашей компании менялось как погода на Камчатке, резко. Всё завертелось как старый, хорошо настроенный механизм. Никто не знал, чем закончится этот день, что ждёт нас впереди, но был готов идти навстречу судьбе. Стёганное ватное одеяло, несмотря на лето на дворе, так же плотно драпировало окно изнутри, соблюдая все правила маскировки нашего тайного собрания. И мы загудели.

Димон играл на гитаре и, подражая манере Хоя в нос, пел песни Сектор Газа. Вован вышел и через полчаса вернулся в коричневом берете, с октябрьским значком на лбу.

— ВДВ! — выставил перед собой кулак и таинственно улыбнулся десантник, который сейчас был удивительно похож на молодого Рауля Кастро, с этими лёгкими усиками недельной небритости.

Славян сгонял ещё за самогоном, и вечер обещал стать долгим и ярким. Цвет освещения от шестидесятиваттной лампы под потолком становился более оранжевым по мере возлияния алкоголем. Время внутри меня остановилось. Я отрешённо и неподвижно сидел на кровати с

панцирной сеткой, вдавленный спиной в стену, которая притянула меня, как магнит монету, а вокруг всё происходило на ускоренной перемотке.

Я закрыл глаза. Пытаясь поправить этот сбой пространственно-временного континуума, подобно капитану парусного фрегата, попавшего в шторм и атакованного со всех сторон ударами волн, я провернул штурвал в сторону обратную крену. Корабль выровнялся. Рулевое колесо с высокой скоростью само закрутилось обратно. Тучи, как греческий занавес на сцене театра, разошлись в стороны, и меня ослепило солнце.

«Мне было в районе десяти лет. На море, где мы отдыхали семьёй, начался шторм. Около трёх дней береговая служба запрещала заходить в воду. Отец и мой старший брат нарушали запрет и ныряли с дамбы в волны, казавшиеся маленькому мне пятибалльными.

Я проводил эти дни в тире прибрежной зоны Туапсе, в пристройке к которому мы жили, в ста пятидесяти метрах от моря. Работник тира — знакомый родителей — повесил мне мишень для выполнения норматива «юного стрелка».

Четыре пробоины в центре чёрной окружности сливались в один большой разрыв, и число десять было уже не разобрать. Я взял из чайного фарфорового блюдца последнюю, пятую пульку, перезарядил винтовку и занял удобную позицию.

Закрыв один глаз, я опустил ствол до попадания мушки в прорезь целика и начал успокаивать дыхание, которое покачивало меня вместе с винтовкой. Наконец дыхание успокоилось. Мушка ещё раз опустилась в прорезь, смотря немного выше чёрного кружка в центре мишени. Я замер и нажал на курок. Прозвучал неоднородный щелчок из твёрдого, короткого звука пробития бумаги и звонкого, угасающего попадания свинцовой пульки в лист железа за стендом».

Я открыл второй глаз и прищурился. Расплывающееся изображение не сразу начало приобретать резкость. В тяжёлых прослойках синего дыма Димон, сидя на кровати, пел «Часы пробили сорок раз». Славян смеялся. Вован рисовал Кочегару картину своего мировоззрения. А тот, в свою очередь, уже ужасно пьяный, произносил лишь короткие фразы. Типа: — Чо?

— Понимаешь, мы все гости на этой планете! Солнце — отец наш! Мы все братья!

— Тюю! — феней, присущей южанину, непонимающему, о чем речь, ответил Кочегар.

Вован изливал свои бензиновые откровения, а коричневый фетровый берет с октябрятской звездой на дерматиновом кашпене, плотно облегающий его лысую голову, окончательно превратил его в Кастро.

— Эль пуэбло унидо хамас сэра венсидо! — отчеканил Вован.

— Чо? — Кочегара перекосило. Сквозь алкогольный дурман он понимал, что дурачок и токсикоман Вовка издевается над ним и уже не брат-близнец олигофрена выступал в роли умственно отсталого, а сам Кочегар.

— Единый народ никогда не будет побеждён! — вошёл в раж Вован, энергично жестикулируя кулаком. — Это дело рискованное, поэтому добровольное! Мы возьмем власть в свои руки! И настанет время всеобщего равенства и любви!

Мусорная свалка подарили Мотику Вове знаний больше, чем смогла привить ему средняя школа. Помойка была единственным доступным ему магазином игрушек и одежды с детства, и он тащил с неё не только туалетные сидения и старые ботинки, но и книги, которые частично прочитывал в определенные моменты отходников и мысленных путешествий, на своём чердаке-экспозиции найденного добра.

Дым уже резал глаза. Свет шестидесятиваттной лампы под потолком сместился в сторону красного спектра и начал пульсировать, как сигнальная лампа пожарной тревоги, рекомендуя покинуть помещение.

— Чо, пацаны, давайте накатим, да мне прогуляться надо, по делу! — еле оторвавшись от стены, я встал с кровати. Налил в рюмки и выпил не чокаясь.

На меня никто не обращал внимание.

— Рот фронт! — поднял я полусогнутую руку, повернув кулак казанками к себе, в интернациональном приветствии и покинул наше подпольное мероприятие».

На улице лил дождь. Он пробудил во мне животные инстинкты и азарт. В минуты проявления стихии во мне всегда подпрыгивало желание действовать. Идти навстречу судьбе.

На мне была кожаная куртка, шорты и сланцы не по погоде. Шлёпая по лужам и грязи, не выбирая пути, забрызгивая икры, я прошёл мимо дома, где жила Вика. В окнах горел свет. Обойдя через огороды незамеченным, я проник во двор. На двери висел замок. Удивившись этому несоответствию, я всё равно постучал и отошёл к углу дома. Через окно веранды можно было видеть, кто идёт к двери и свалить, если пройдет нежелательный человек.

Прошла Вика.

— Кто?! — крикнула девица, формы которой воспламеняли во мне желание осваивать целину.

Я постучал пальцем по стеклу окна веранды. Вика испуганно отпрянула, а затем подошла.

— Ты что? — занервничала дива.

— Привет! Как ты? Что замок на двери?

— Нормально! Мать закрыла. Следит, чтобы из дома не выходила. Ты что припёрся?

— Как что? К тебе!

— Я закрыта! — глаза Вики забегали.

— Сейчас я залезу! Ты же не против?

— Как?

Я взял стоявшую у сарая штыковую лопату, отжал вместе с гвоздями штапики, прижимающие стекло на одном из сегментов окна, аккуратно отставил его в сторону и залез на веранду.

— Тёма, ты ненормальный!

— Да ладно ты! — я провёл рукой по бедру неотроги в кавычках, поднимая платье.

— Куда лезешь! — шлёпнула мне по руке девушка, которая могла остановить коня.

— Вика, вынеси попить! И есть выпить?

— Брагу будешь?

— Самое то!

Вика ушла и вернулась с банкой мутного алкоголя. Затем принесла стаканы, тарелку с редиской и огурцами, и мы сели на старом диване у разобранного окна, накрыв романтический ужин на табуретке. Выпили по стакану, и меня немного согрело. Веки опять потяжелели. Я расстегнул куртку и откинулся на спинку дивана, раскинув руки. Иногда из окна врывался порыв ветра, поднимая занавеску. Дождь прекратился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.